

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Выпускная квалификационная работа на тему
« Русская культура в Китае: социальный аспект »

Выполнил студент 4 курс 1 группа

Чжу Гуанвэй

Научный руководитель - к.с.н. доц

И.В.Ивлева

Санкт-Петербург
2016

Русская культура в Китае: социальный аспект

Введение.....	2
Глава 1. История возникновения и распространения русской культуры на северо-востоке Китая.	
1.1 Исторические этапы формирования национального состава населения в северо-восточных районах Китая.....	5
1.2 Современный этнический состав северо-восточных провинций Китая...	16
Глава 2. Русская диаспора в Харбине. Особенности социальной адаптации.	
2.1 Возникновение и развитие русской диаспоры на северо-востоке Китая...	26
2.2 Некоторые особенности социальной адаптации русских в Харбине.....	37
2.3 Русская культура в современном Китае.....	48
Заключение.....	57
Список использованной литературы и источников.....	62

Введение

Актуальность выбранной темы. В последние десятилетия активно идет процесс глобализации, который приводит к тому, что цивилизации, ранее не контактировавшие или имевшие ограниченные контакты, начинают активно взаимодействовать. Для развития успешного взаимодействия и сотрудничества различных наций необходимо всестороннее изучение истории, культуры, литературы, особенностей ментальности, языка и поведения представителей других социумов.

История взаимоотношений России с Китаем насчитывает более 400 лет. На протяжении всей истории развития культурных, торговых и социальных контактов между странами элементы китайской культуры проникали на приграничные территории России, также как и элементы русской на приграничные территории Китая [Морозова, 2011]. Особый интерес представляет история русской эмиграции в Поднебесной.

Главным центром русского зарубежья на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии является Харбин. Русская диаспора появилась в Харбине задолго до Октябрьской революции и Гражданской войны, которая вызвала огромную волну эмиграции из России в соседние государства. Изначально русские приезжали в Харбин в конце XIX века, чтобы участвовать в строительстве Китайской восточной железной дороги, и здесь успел сложиться русский быт, русские традиции и культура. Изучение опыта социальной адаптации русских в Харбине, культурного взаимодействия представителей русской диаспоры с китайцами и сохранения национальной идентичности русских в Китае дает нам возможность глубже понять особенности взаимодействия русского и китайского этносов на современном историческом этапе.

Степень изученности данной темы, имеющиеся исследования. В последние десятилетия XX века и до настоящего времени в связи с усилением интереса к истории русских диаспор за рубежом появилось много работ о русской эмиграции в Китае, и, в частности, в Харбине (Н. Е. Аблова, Е. Е. Аурилене, О. Г. Гончаренко, И. Ю. Гутин, Г. В. Мелихов).

Ряд работ российских и китайских исследователей был посвящен вопросу культурного взаимодействия и влияния русской диаспоры в Харбине и китайского населения (Ван Шицай, А. Д. Владимирова, Н. В. Гончарова, Л. А. Горобец, О. А. Косинова, Мяо Хуэй, С. А. Черкашина, Шэн Хайбо, Люй Минвэй).

Социальному аспекту русской культуры в Китае посвящены работы М. В. Кротова, С. И. Лазарева, Я. Л. Писаревской, И. В. Потаповой, М. С. Рябовой, М. В. Чуприной. Однако в то же время следует отметить, что вопрос о социальной адаптации русских эмигрантов в Китае освещен в работах упомянутых авторов отрывочно, и в русской историографии не существует всестороннего исследования по этому вопросу.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является русская культура в Китае. Предмет исследования – становление и развитие русской культуры в Харбине.

Цель и задачи исследования. Цель данного исследования состоит в том, чтобы проанализировать процесс появления, становления и развития русской диаспоры в Харбине начиная с конца XIX века и до настоящего времени. Для достижения поставленной цели представляется целесообразным сформулировать следующие задачи:

1. Описать процесс формирования этно-культурного состава населения северо-восточной части Китая.
2. Выявить и рассмотреть современный этнический состав Северо-восточных районов Китая.

3. Рассмотреть исторические, политические и социальные предпосылки для возникновения русской эмиграции на Северо-Востоке Китая.
4. Выявить и описать особенности социальной адаптации русских в Харбине (культурные, религиозные, языковые, бытовые).

Методы исследования. Данное исследование предполагается проводить на основе системного, сравнительно-исторического и структурно-функционального подходов. Системный подход позволит рассматривать русскую культуру Харбина как уникальное социокультурное явление, неразрывно связанное с историей Китая и России. На основе сравнительно-исторического метода можно провести исторический анализ русской эмиграции в Харбине и выявить конкретные исторические факторы, оказавшие влияние на ее возникновение и развитие. Структурно-функциональный подход дает возможность рассмотреть русскую диаспору с точки зрения ее воздействия на социокультурную среду Харбина.

Краткое описание структуры работы. Данное исследование состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы и источников.

Первая глава посвящена вопросу истории этнического состава северо-восточной части Китая.

Во второй главе рассмотрен вопрос о появлении и развитии русской эмиграции, а также об особенностях социальной адаптации русских в Харбине.

В заключении приведены выводы, сделанные на основе проведенного исследования.

Глава 1. История возникновения и распространения русской культуры на северо-востоке Китая.

1.1 Исторические этапы формирования национального состава населения в северо-восточных районах Китая.

Китай – многонациональная страна. В настоящее время в Китае проживает 56 национальностей, главная, титульная из которых – это ханьцы. Ханьцы составляют более 90% населения всей страны, а остальные 55 этносов считаются национальными меньшинствами. Каждое из них имеет свою историю происхождения, религию, историю, культуру, традиции и обычаи.

По количественному убыванию численности малых народностей Китая они идут в следующем порядке: чжуаны, маньчжуры, хуэйцы, мяочане, уйгуры, туцзяне, ияне, монголы, тибетцы, буйтяне, дунцы, яотяне, корейцы, байцы, ханийцы, казахи, лияне, дайцы, шэяне, лисуанцы, гэлаотяне, дунсяны, лахутцы, шуйцы, вайцы, насийца, цянцы, туйцы, мулаотяне, сиботяне, киргизы, дауры, цзинпотяне, маонаньцы, салары, буланы, таджики, ачане, пумийцы, эвенки, нусуанцы, цзинцы, цзинотяне, дэанцы, баоаньцы, русские, уйгуры, узбеки, мэнбайцы, орочоны, дулуны, татары, хэчжэйцы, гаошаньцы, лобайцы [Ван Цань, С. 10].

В древних китайских источниках можно найти много сведений о формировании и истории развития многих этносов, начиная со времен правления династии Шан (XVI–XI вв. до н.э.) и династии Чжоу (XI – 221 г. до н.э.) до правления династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.).

Историческое название исследуемого нами района – Северо-восточного Китая (кит. Дунбэй) – Маньчжурия. В настоящее время Маньчжурией называют три китайских провинции на Северо-востоке Китая: Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин, однако до 1858-1860 гг., до подписания Айгунского

договора и Пекинского трактата, в понятие Маньчжурии включались также современные территории Приамурья и Приморья.

История формирования национального состава современной Маньчжурии уходит корнями в глубокую древность и тесно связана с географическим положением данного региона и с его историей. На протяжении долгих веков, до начала правления маньчжурской династии Цин, на территориях Северо-восточного Китая сосуществовали многочисленные племена тунгусского, монгольского и ханьского происхождения. Эти территории делились на множество отдельных владений, которые на разных этапах исторического процесса консолидировались под властью какого-нибудь сильного правителя, а потом вновь распадались на множество племен.

Согласно китайским источникам, в древности на северо-восточной периферии китайского государства существовали крупные племенные союзы. Среди названий племен, которые населяли эти районы, упоминаются дунху, хуймо и сунэни. По всей видимости, племена сунэней населяли территории современной провинции Хэйлунцзян.

По предположению многих исследователей, именно сунэни являлись предками современного народа под названием маньчжуры. Изначально их называли сунэнями, позже – илоу или уцзи, а при правлении династии Тан (618-907 гг. н. э.) они получили название Мохэ, а позже - чжурджэни [Чжан, 2004]. В то же время существует версия, что маньчжуры произошли от народности дунху или же, возможно, они являются переселенцами с Корейского полуострова. Существует также мнение, что маньчжуры могли происходить от аборигенов, которые изначально проживали в бассейне реки Сунгари [там же]. Таким образом, этногенез и культурогенез маньчжуров по-прежнему остаются в китайской исторической науке предметом острых дискуссий. Наиболее проблематичным является вопрос об этническом происхождении маньчжуров.

В VII в. н. э. мохэские племена тунгусо-маньчжурского происхождения сумели создать на территории современной Маньчжурии, Приморского края и северной части Корейского полуострова государство Чжэнь (позже Бохай или Пархэ). Предпосылкой для создания крупного государственного образования явилось развитое земледелие и животноводство, а также постоянное военное давление со стороны соседних территорий: с юга – со стороны древнекорейского государства Когурё, а впоследствии – династии Тан, а с запада – со стороны воинственных кочевых племен монгольского происхождения.

Танский Китай предпринял несколько попыток по завоеванию мохэского государства, но потерпел неудачу, и пошел на установление мирных отношений. В 713 году правителю Бохая был пожалован танским императором титул владетельного князя, что номинально означало, что государство Чжэнь (Бохай) становится вассальным по отношению к Китаю. На практике такая форма взаимоотношения Китая с сопредельными государствами существовала на протяжении многих веков и сопровождалась определенными требованиями по отношению к вассальному государству. Так, после признания сюзеринитета Китая правитель государства Бохай должен был направить одного из своих сыновей и близких людей заложником к Танскому двору, а также регулярно направлять Танскому императору послов с «дарами». В некоторой степени это способствовало развитию государства Бохай, которое заимствовало многие достижения Китая. В то же время Бохай не участвовал в военных походах Танского Китая и поддерживал самостоятельные торгово-экономические и политические отношения с другими государствами.

Китай оказывал очень сильное влияние на развитие культуры государства Бохай. Административно страна делилась на пять провинций, каждая из которых имела свою столицу. В правительстве работало три советника и шесть министров. Была хорошо развита торговля с соседними

странами. Согласно историческим источникам, бохайцы поставляли на внешний рынок коней, шелка, мед, женьшень, охотничьих соколов, шкуры соболя, тигра, медведя, лисы [Государство Бохай, статья в онлайн-энциклопедии].

В 926 году государство Бохай было завоевано своим западным геополитическим противником – монгольскими племенами киданей, которые дали историческое название Китая.

В настоящее время также представляется проблематичным точно установить этногенез и культурогенез киданей. Собственное киданьское письмо (большое и малое киданьское письмо) до сих пор не поддается полной расшифровке, вследствие чего сложно по языку киданей определить их этническую принадлежность.

В древности кидани населяли территории современной Внутренней Монголии, Монголии и Маньчжурии. В 907 году киданьские племена объединились и образовали государство Ляо, которое управлялось двумя кланами. В результате ряда завоевательных войн с соседними государствами Ляо стало одним из самых сильных и крупных государственных образований в Восточной Азии.

Согласно китайским хроникам (а китайцы все северные народы считали варварами), нравы и обычаи киданей были схожи с нравами народности мохэ. Китайские летописцы указывали, что кидани занимаются грабежами, набегами и охотой, грубые, не знают церемоний и приличий. Не оплакивают смерть родителей, как это было принято у китайцев, и вообще считают это проявлением слабости [Крадин, 2014]. Также китайские исторические источники указывают на родство киданей с сяньби.

История киданьских племен прослеживается до I в. н. э. Затем, на протяжении многих веков, кидани в разное время воевали с китайскими государствами и соседними племенами, но в 628 году вступили в китайское

подданство, признав сюзеринитет Танского Китая, даже выступали на китайской стороне в войне против Кореи. Однако позже они перестали подчиняться Китаю и вновь вступили в период военного противостояния. Им неоднократно удавалось разбить императорские войска, но в 699 г. все же они потерпели поражение от китайской армии и им пришлось признать вассальную зависимость от Китая.

В начале X в. н. э. при вожде Аобацзи (Елюй Амбагай) племенная федерация киданей превращается в империю с династической системой наследования. В 916 году Аобацзи подчиняет себе несколько соседних племен и провозглашает себя императором. В 926 году кидани захватили государство Бохай, и под их контролем оказались территории южного Приморья, юго-востока Маньчжурии и северо-востока Кореи.

В 947 году новое государство киданей получило название Великого Ляо. Киданям удалось также захватить часть северных территорий Китая и организовать систему управления и администрации по китайскому образцу. В период своего расцвета в XI в. кидани получают дань от Сунского Китая, однако с конца XI в. государство приходит в упадок, и в 1125 году его захватывают чжурджэни. Часть киданей была убита, часть осталась при новом правительстве, а часть бежала в Среднюю Азию.

Современные исследователи не могут с уверенностью сказать, какая из существующих в настоящее время национальностей является прямым потомком киданей, поскольку вследствие длительного процесса миграций, войн и переселений народности, населявшие северо-восточные районы Китая перемешивались и ассимилировались. Однако многие исследователи полагают, что дауры по крайней мере частично являются потомками киданей. Также существует предположение, что народность ктаев, которая входит в состав узбеков, казахов, киргизов, ногайцев, караколпаков, башкир и других народов вполне может быть потомком разбитых некогда чжурджэнями киданей.

Чжурджэни говорили на чжурджэнском языке тунгусо-маньчжурской группы, что позволяет провести прямую связь между ними и маньчжурами. Предками чжурджэней являются племена мохэ. В российской историографии многие исследователи проводят прямую цепочку преемственности от сушэней, илоу, уцзи, мохэ к чжурджэням и маньчжурам. Само слово «чжурджэни» появляется в источниках не ранее X в. н. э., когда государство Бохай было захвачено киданями.

Традиционно чжурджэни проживали в форме объединений, которые назывались мэньань и моукэ. Мэньань состоял из 1000 дворов, а моукэ – из 100. Такая система была связана с воинской организацией чжурджэней. Моуки являлся отрядом воинов из одного рода или его части, если род был большой, а мэньань – большим отрядом, в котором были воины нескольких родов. Чжурджэни вели полукочевой образ жизни, часто проживали в городах.

В начале XII в. среди чжурджэньских племен стал возвышаться клан Ваньянь, который изначально контролировал бассейн реки Амур. Чжурджэньский лидер Агуда провозгласил себя императором в 1115 году и дал своей династии название Цзинь (金 «золото»). Он стал постепенно подчинять себе соседние чжурджэньские племена, что вызвало недовольство киданьского государства Ляо. Вмешательство Ляо во внутренние дела чжурджэней привели к развязыванию войны. Чжурджэням удалось заключить военный союз с китайской империей Сун, и с ее помощью разбить киданей.

В дальнейшем возникли разногласия между Цзинь и Сун, что привело к целой череде войн, которые закончились тем, что весь Северный Китай перешел под контроль чжурджэней. В 1151 году столица Цзинь была перенесена в Чжунду (современный Пекин).

Чжурджэньское государство Цзинь просуществовало с 1115 по 1234 годы, пока не было завоевано монгольскими племенами. Чжурджэни вошли в состав империи Юань и продолжали населять территории современной Маньчжурии.

В начале XVII века вождю живших в Маньчжурии оседлых чжурджэней Нурхаци удалось объединить несколько маньчжурских племен. В 1589 году Нурхаци объявил себя великим князем (ванном), а в 1596 году — правителем (великим ваном) государства Цзяньчжоу. В 1616 году Нурхаци провозгласил воссоздание чжурчжэньского государства Цзинь (в истории стало известно как «Поздняя Цзинь») и объявил себя его ханом. Благодаря усилиям Нурхаци, к 1619 году большинство маньчжурских племен вошли в состав нового государства. В 1621 году Нурхаци начал войну с Китаем. Маньчжурские войска вторглись в Ляодун и разбили императорские войска. Обретя контроль над новыми территориями, Нурхаци решил закрепить здесь свое влияние и в 1625 г. перенес столицу в Мукдэн.

После смерти Нурхаци его сын Абахай продолжал внешнюю политику отца. Он вел ряд удачных войн против Китая, и в 1636 году объявил о создании новой династии – Цин (清 «чистый»). Также он велел называть чжурджэней маньчжурами, и так появилась маньчжурская династия Цин, которая правила Китаем с 1644 по 1912 год.

Завоевав Внутренний Китай, маньчжуры назвали всю свою империю «Срединным государством». В состав маньчжурского Цинского Китая входили территории современного Северо-восточного Китая, Синьцзян-Уйгурского автономного района, Монголии, Тибета и других районов современного Китая. Маньчжурские правители определяли Китай как многонациональное государство, где ханьцы не являются главной нацией. Они провозглашали, что и ханьские племена и не-ханские являются частью Китая. Вся официальная документация данного периода велась на двух языках: на китайском, и на маньчжурском.

Маньчжурская письменность появилась еще при династии Цзинь, в период расцвета чжурджэньских племен. Начертание графем чжурджэньского письма имело сходство с киданьской графикой и восходило к китайским иероглифическим образцам. После разгрома империи Цзинь чжурджэньская письменность пришла в упадок, и чжурджэньский язык вышел из употребления, превратившись в мертвый. Чжурджэньская письменность сохранилась очень плохо, в основном в незначительном числе текстов, отлитых в бронзе или высеченных на каменных стелах. Практически не сохранилось образцов чжурджэньских литературных памятников.

При Нурхаци официальным языком делопроизводства был монгольский, поскольку в Китае в то время правила монгольская династия Юань. Однако в 1599 г. Нурхаци приказал создать маньчжурскую письменность. Письменность была создана, и многие исторические памятники правления династии Цин представлены на маньчжурском языке. Однако после свержения цинской династии в 1911 г. маньчжурский язык стал быстро исчезать. К середине XX века маньчжурский язык сохранился лишь в отдалённых районах Северо-восточного Китая. В настоящее время маньчжурская языковая культура находится на грани полного исчезновения, хотя китайское правительство принимает меры к ее сохранению [Чжан, 2004].

С начала XVII века на территорию Маньчжурии начинают проникать русские. Вследствие размытости русско-китайских границ в то время и китайцы, и русские спокойно переходили границу, вследствие чего нередко возникали конфликты.

Показательным случаем является, например, возникновение на территории Маньчжурии так называемой «Желтугинской республики».

В 1883 г., уже после подписания Айгуньского договора о государственной границе, на территории Маньчжурии на речке Мохэ в верховьях Амура были найдены богатые золотые россыпи. Сюда стали в

больших количествах стекаться вольные старатели из Китая, России и Кореи. Приисковый поселок быстро рос: в 1883 г. в нём обитало 120 человек, через год — 7 тысяч, ещё через полгода — 15 тысяч. Вследствие того, что население поселка выросло за полгода больше чем в сто раз, стал ощущаться дефицит пищевых продуктов. Цены на самые необходимые товары головокружительно росли, и в первый год Желтугинской республики фунт хлеба, стоивший в Благовещенске 10 копеек, перевалил за 40 копеек. Лопаты, кирки, топоры — то есть вещи, необходимые для старателей, можно было достать только по баснословным ценам. Лопата уходила за 10 рублей. Столько же стоил топор. За бутылку лимонада разбогатевшие золотоискатели выкладывали 12 рублей. Пуд сухарей стоил 16 рублей.

Примечательно, что поселок находился на китайских территориях, но в достаточно удаленном и малонаселенном месте, а потому официальные власти Китая не имели там своего влияния. Из-за сложившейся ситуации с безвластием и дефицитом продуктов, а также учитывая особенности прибывавшего на прииски контингента, вырос уровень преступности. На общем сходе старателей было решено самоорганизоваться. Были выбраны старосты, старшины и президент, назначены наказания за преступления.

В Желтуге появились русские торговцы из Забайкалья и Приамурья. Они ввозили в Желтугинскую республику товар из России, открывали там свои лавки, бани, магазины, гостиницы и даже банки и игорные дома.

Зимой 1885-1886 гг. официальные власти империи Цин, недовольные существованием Желтугинской республики с большим количеством русских старателей на своей территории, выслала правительственные войска для ее ликвидации. Русские бежали сами или же были схвачены и высланы в Россию, а китайских жителей республики казнили, отрубив им головы [На сопках Маньчжурии].

Первая большая волна официальной русской эмиграции в Маньчжурию была связана со строительством Китайско-Восточной железной дороги в 1898-1903 гг. Российскому правительству в лице С. Ю. Витте удалось в ходе переговоров с китайской стороной договориться о прокладке железной дороги через Маньчжурию. Подбором специалистов для прокладки КВЖД руководил лично С. Ю. Витте, Строительное управление КВЖД было размещено на берегу реки Сунгари (кит. Сунхуацзян), где предположительно дорога пересекала реку. Позже на этом месте появился новый город Харбин.

Следует отметить, что масштабное строительство КВЖД привлекало не только русских технических работников и строителей, но также и многочисленных китайцев из других районов Китая, корейцев, которые также приезжали сюда в поисках работы, а также работников с окраин Российской империи – украинцев, поляков, татар, киргизов. Приезжали сюда и специалисты из западных стран. Все они несли с собой свои культуры, особенности образа жизни и традиции.

Вторая, более многочисленная, волна русской эмиграции в Северо-восточные провинции Китая связана с событиями Октябрьской революции и последовавшей за ней Гражданской войной. По средним оценкам, к 1922 году на территории Маньчжурии проживало порядка 200000 русских. Русская народность была представлена всеми слоями населения: здесь были многочисленные военные разбитой Белой армии, дворяне, крестьяне, было представлено торговое сословие, казачество.

При этом представители первой волны русских переселенцев в подавляющем большинстве своем жили в зоне отчуждения при КВЖД и обладали правом экстерриториальности. По этой причине они практически не ассимилировались с местным населением, образуя свою достаточно закрытую для представителей других этнических групп колонию. Благодаря этому русским удавалось сохранять свою культуру на протяжении долгого

времени, вплоть до окончательного исхода русских из Маньчжурии после Второй мировой войны.

По-другому обстояло дело с другими народностями, населявшими Северо-восток Китая. Исследователи, побывавшие в Маньчжурии в начале XX века, отмечают, что, несмотря на пестрый этнический состав Северо-восточных районов Китая, многие их малых народностей подверглись сильной китаизации. Так, о маньчжурах Руднев пишет: «... Большинство маньчжур, хоть и называет себя этим именем, но по наружности и языку ничем не отличается от китайцев. Чистокровные маньчжуры на севере не составляют более 1/20 всего населения, а на юге их и совсем нет. В самой Маньчжурии по-маньчжурски говорят очень немногие из природных маньчжур, и их письменность давно забыта и заменена китайской. Одежда и жилища современных маньчжур ничем не отличаются от китайских. Точно также они усвоили целиком китайские религиозные верования и обряды...» [Руднев, 1912, С. 18-21].

В настоящее время уже не является секретом, что, настаивая на проведении КВЖД через Маньчжурию, С. Ю. Витте как дальнюю цель ставил мирный захват Маньчжурии. Китайское правительство прекрасно понимало, что могут означать многочисленные русские поселения в Маньчжурии и чем это все может закончиться, и в ответ стало всячески поощрять переселение китайцев в Северо-восточные районы, используя для этого и КВЖД в том числе [Руднев, 1912, С. 21].

Получается, что уже в начале XX века стали исчезать самобытность этнических групп, населявших Маньчжурию в разные периоды времени и оставивших там своих представителей.

Таким образом, к концу XIX – нач. XX в. этнический состав Северо-восточных районов Китая был весьма пестрый. Каждый исторический период развития Маньчжурии оставил здесь свой след в виде представителей

различных этносов, национальностей и племенных групп. В начале XX века общее население Маньчжурии составляло порядка 15 млн. людей. К этому времени здесь проживали три основные этнические группы: ханьцы (китайцы), маньчжуры и монголы. Представители монгольских племен (буряты, чипчины, олоты) в большинстве своем проживали к западу от хребта Большой Хинган на границе с Монголией. Тунгусские племена (маньчжуры, дауры, ороконы, манегры, гольды) обитали в основном в лесистых районах вдоль реки Амур. Также здесь проживали корейцы на границе с Кореей и русские в зоне отчуждения [Руднев, 1912, С. 17-18].

1.2 Современный этнический состав северо-восточных провинций Китая

Северо-восточными районами современного Китая (обобщенное географическое китайское название региона - Дунбэй) являются три провинции: Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин. Также к Дунбэю иногда относят восточную часть автономного района Внутренняя Монголия. Общая численность населения региона составляет приблизительно 121 млн. жителей [Википедия, статья «Дунбэй»]. Исторически эти провинции входили в состав Маньчжурии, вследствие чего этот регион до сих пор часто называют Маньчжурией.

По данным на 2010 год, население Хэйлунцзяна составляло более 38 млн. человек. Административный центр провинции – город Харбин. Другие крупные города: Цицикар, Суйхуа, Дацин и Мудацзян. Вследствие длительного исторического процесса формирования населения региона, в нем представлены практически все национальности, проживающие на территории КНР. Однако крупнейшими являются следующие: ханьцы (китайцы) – 95,2% населения, маньчжуры – 2,86%, корейцы 1,07%, монголы – 0,39%, хуэй – 0,342%, дауры – 0,12%, сибо – 0,025%, русские – менее 0,02% [Википедия, статья «Хэйлунцзян»].

Население провинции Цзилинь (Гирин) на 2010 год насчитывало население около 27,5 млн. человек. Административный центр и крупнейший город провинции – Чаньчун. В национальный состав входят китайцы (ханьцы) – 90,85%, корейцы – 4,27%, маньчжуры – 3,71%, монголы – 0,642%, дунгане (хуэйцы) – 0,469% [Сайт администрации провинции <http://www.jilin.gov.cn/>].

Население провинции Ляонин насчитывало на 2010 порядка 44 млн. человек. Крупнейший город и административный центр провинции – город Шэньян. Национальный состав провинции включает в себя китайцев (ханьцев) – 83,94%, маньчжуров – 12,88%, монголов – 1,60%, хуэй – 0,632%, корейцев – 0,576% и сибо – 0,317%, русские – менее 0,3%.

Количество официально зарегистрированных русских на территориях Северо-восточного Китая на 2010 составляло всего 15600 человек [Ставров, 2003, С. 92].

Таким образом, основными национальностями, проживающими в настоящее время на территориях Северо-восточного Китая, являются ханьцы (китайцы), маньчжуры, корейцы, дагуры, монголы, сибо, хуэй, дунгане. При этом более 90% населения приходится на ханьцев (собственно китайцев), в то время как общая доля национальных меньшинств постоянно сокращается. В то же время в абсолютном выражении количество представителей национальных меньшинств (кроме русских) показывает устойчивый рост, начиная с 1953 г. Снижение доли национальных меньшинств связано как с быстрым ростом населения провинции, так и с малочисленностью самих национальных групп, что определяет скорость их воспроизводства [Ставров, 2003, С. 92].

Количественное же увеличение представителей национальных меньшинств Северо-восточных регионов Китая связано с проводимой китайским правительством политикой «Одна семья – один ребенок», которая

не затрагивала малые народности. По отношению к национальным меньшинствам проводилась дифференцированная политика. Народности с численностью свыше 10 млн. человек подчинялись политике «Одна семья – один ребенок», семьям народностей с численностью меньше 10 млн. человек разрешалось иметь двух детей, национальностям из окраинных и скотоводческих территорий разрешалось иметь трех детей, национальные группы с численностью менее 50000 человек могли иметь четверых детей [Ставров, С. 93].

Рассмотрим теперь основные особенности каждой из национальностей, проживающей на территории современного Северо-восточного Китая.

Ханьцы (китайцы) являются основной, титульной национальностью Китайской Народной республики. На 2000 г. в пределах территории страны их насчитывалось 1 млрд. 159 млн. человек, что составляло приблизительно 91,59% от всего населения страны. Традиционной хозяйственной деятельностью ханьцев всегда было ирригационное земледелие с интенсивной обработкой земли. Известное древнее высказывание китайцев гласит: «Мужчины пахут, женщины ткут». Широкой известностью во всем мире пользовались и пользуются керамика и фарфор китайского происхождения, а также четыре великих изобретения китайцев: бумага, книгопечатание, компас и порох.

Ханьская (китайская) культура является преобладающей на территории Китая. Одним из ее важных элементов является учение Конфуция. Большинство из верующих ханьцев, проживающих в Китае – конфуцианцы. В древности на основе учения Конфуция сформировалась образовательная и экзаменационная система. Главным в конфуцианстве является вопрос об этике, морали, воспитании и добродетели. В то же время ханьцы очень толерантны к другим религиям, и многие из них исповедуют буддизм, даосизм, протестантизм и католичество.

Современный язык ханьцев, – путунхуа (Мандарин), – основанный на северных диалектах, является государственным языком всего Китая. Письменность иероглифическая: в настоящее время сосуществуют сложное, традиционное написание китайских иероглифов (Тайвань, Гонконг) и упрощенное написание (материковый Китай).

Ханьцы уделяют большое внимание эстетике, умение любоваться красотами природы – присущая им черта. Также ханьцы большое внимание уделяют еде и способам ее приготовления. Еда в ханьской культуре является огромной частью общественной и частной жизни. Из-за обширного ареала расселения ханьской национальности существует огромное количество традиционных ханьских блюд. В то же время выделяется четыре основные стиля приготовления еды: сычуаньский, гуандунский, шаньдунский и хуайянский. Кроме того, у ханьцев развита культура чая и вина [Ван Цань, 2007, С. 207-210].

Главные традиционные праздники национальности хань: Чуныцзе (Праздник Весны – китайский Новый Год), Юаньсяоцзе (Праздник Фонарей), Циньминьцзе (Праздник Поминовения Усопших), Чжунцюцзе (Праздник Середины Осени), Дуаньбуцзе (Праздник Драконьих Лодок), Цисицзе (Праздник Двух Семерок), Циньминьцзе (Праздник Поминовения Усопших).

Маньчжуры по численности занимают второе место среди 55 национальных меньшинств КНР. На 2000 г. общая численность маньчжуров в Китае составляла 10 млн. (6 млн. из них проживало на Северо-востоке страны [Ставров, 2003, С. 92]). Большинство маньчжуров проживает в провинции Ляонин, в других частях страны маньчжуры проживают рассредоточено.

Традиционными занятиями маньчжуров всегда были земледелие, рыболовство и охота. Маньчжуры всегда были хорошими воинами.

В XVII в. они сумели объединиться в сильное государство, завоевали весь Китай и основали новую, маньчжурскую династию Цин. Эта династия правила Китаем до своего свержения в 1911 г.

Долгое сосуществование с народностью хань (китайцами) привело к тому, что маньчжуры окитаизировались – уже в начале XX в. многие исследователи отмечали, что прически, одежда, дома и образ жизни маньчжуров практически не отличаются от китайских.

У маньчжуров был свой язык и письменность, но в результате долгой совместной жизни с ханьцами, они практически были утрачены. В настоящее время подавляющее большинство маньчжуров говорит на путунхуа и пользуется китайской упрощенной письменностью.

В древности маньчжуры исповедовали шаманизм и анимизм, но позже попали под влияние буддизма. В настоящее время одним из главных культов у маньчжуров, так же, как и у ханьцев (китайцев) является культ предков. И так же, как и ханьцы (китайцы, маньчжуры празднуют Чунью (праздник Весны – китайский Новый Год), Юаньсяоцзе (Праздник Фонарей), Чжунцюцзе (Праздник Середины Осени) [Ван, С. 135-137].

Представители **корейской национальности** проживают в Китае во всех трех провинциях Северо-востока Китая. Самый большой компактный район проживания китайцев – это Яньбань-корейский автономный округ провинции Цилинь. На 2000 г. общая численность корейцев в КНР составляла приблизительно 2 млн. человек (1920 тыс. из них проживали в Дунбэе [Ставров, С. 92]).

Начало корейской миграции на территории Китая, так же, как и русских, относится к началу XVII века. Основным их занятием традиционно было земледелие, в Китае они особенно славились как мастера выращивать рис.

Многие корейцы, проживающие в Китае, до сих пор говорят на корейском языке и используют корейскую письменность, что может быть объяснено компактностью их проживания и высоким статусом образования в их среде.

Корейцы отличаются от других национальных меньшинств особо заботливым и почтительным отношением к пожилым и старым людям. В своем поведении они придерживаются правила «любящий отец – почтительный сын». Корейцы отмечают День стариков, во многих местах есть специальные ассоциации для пожилых людей, особое внимание уделяется организации досуга пожилых людей.

Традиционная еда корейцев – рис. Также они едят особую лапшу, отличную от китайской, печеное мясо и различные маринады.

Корейцы, проживающие в Китае, отмечают те же праздники, что и вся страна, включая Чуньцзе, Юаньсяоцзе, Чжунцюцзе, Дуаньбуцзе и другие, но также и некоторые свои национальные праздники. К ним относятся День Рождения годовалого ребенка, 60-летний юбилей со дня рождения и 60-летняя годовщина свадьбы [Ван, С. 137-138].

Народность дагуры (дауры) на Северо-востоке Китая проживает в провинции Хэйлунцзян. На 2000 г. их общая численность в КНР составляла приблизительно 132 тыс. человек (вся народность проживала на Северо-востоке страны).

Дауры традиционно вели кочевой образ жизни, занимаясь при этом рыболовством и охотой, однако во второй половине XX века вследствие проводимой китайским правительством политики, практически полностью перешли на оседлый образ жизни и занялись земледелием.

У дауров есть свой язык, но нет письменности. Во времена маньчжурской династии Цин они пользовались маньчжурской письменностью, сейчас для письма используют упрощенную форму

китайских иероглифов. Некоторые дауры владеют монгольским, уйгурским и казахским языками.

Традиционно дауры были шаманистами, потом попали под ламаистское толкование буддизма. Самым торжественным традиционным праздником дауров является так называемый праздник «Ане», который является аналогом ханьского Праздника Весны.

Вследствие того, что дауры проживают в северных районах Китая, они хорошо приспособлены к зиме, имеют особый «даурский» способ подледной рыбалки, а также особый вид спорта «Боико», похожий на современный хоккей [Ван, 2007, С. 140-141].

Монголов называют «нацией на конях». Их общая численность в Китае составляет приблизительно 5 млн. человек. Представители этой малой национальности Китая проживают в основном в автономном районе Внутренняя Монголия, восточная часть которой также иногда причисляется к географическому району Дунбэй.

Традиционно монголы занимались кочевым скотоводством и кочевали по необъятным степям на северных окраинах Китая. В начале XIII в. Чингисхан сумел объединить под своим началом сначала все монгольские племена, а потом все кочевые племена Великой степи, завоевал Китай и основал монгольскую династию Юань, которая была свергнута в 1368 году.

Долгое время монголы, проживающие на территории Китая, вели кочевой образ жизни, жили в легко собираемых и разбираемых юртах и занимались скотоводством и охотой. Традиционной едой монголов являются всевозможные блюда из мяса, приготовленные по особым, монгольским рецептам, а также молочные продукты, рис и чай с молоком. Однако в настоящее время большинство монголов, проживающих на территории Китая, переходят к оседлому образу жизни и ведут современный образ жизни.

Традиционным национальным монгольским праздником является Наадам (или Надом) – в этот день монголы проводят соревнования в скачках, борьбе и стрельбе из лука [Ван, 2007, С. 134-135].

Представители национальности **сибо**, проживающие на Северо-востоке Китая (в провинциях Ляонин и Цзилинь), имеют такие же, как у маньчжуров и ханьцев, язык, пищу, одежду и жилища.

По происхождению сибо близки маньчжурам, говорят на сибинском диалекте маньчжурского языка, пользуются маньчжурской письменностью. Основное занятие народности сибо – земледелие, но также они занимаются животноводством и рыболовством. На 2010 год общая численность народности сибо в Китае (Северо-восток страны) составляла 190 тыс. человек [Ван, 2007, С. 149-150].

Народность **хуэй** является одним из самых многочисленных национальных меньшинств Китая и проживает во всех уездах и городах страны. Их общая численность в Китае составляет порядка 816 тыс. человек, а самое крупное место их компактного проживания находится в Нинся-Хуэйском автономном районе на Северо-западе КНР.

Хуэйцы происходят от потомков арабских и персидских купцов, которые занимались торговлей в Китае в VII веке. В XVIII в. большое количество мусульман переселилось на территории Китая из Средней Азии и, слившись с местным населением, сформировали новую национальность – хуэй.

Традиционно хуэйцы занимались и земледелием, и скотоводством, и малой торговлей, и кустарными промыслами, в приморских районах – морской торговлей и рыболовством.

Вследствие долгого проживания бок о бок с ханьцами, хуэйцы многое переняли у них, но, поскольку они исповедуют ислам, их быт все же сильно отличается от ханьского. Так, хуэйцы не едят свинину ни в каком виде, не

курят и не пьют спиртные напитки. Главные праздники хуэйцев – Ураза-байрам и Курбан-байрам. В день Курбан-байрам хуэйцы, так же, как и все мусульмане, ходят в мечеть на коллективное богослужение, а затем закалывают баранов и быков и готовят из них особые, праздничные блюда [Ван, 2007, С. 144-145].

На Северо-востоке Китая **орочоны** в основном проживают в Орочонском автономном союзе в провинции Хэйлунцзян. Их общая численность в КНР (все проживают на Северо-востоке страны) на 2000 г. достигала 8200 человек.

Изначально орочоны проживали в густых лесах Большого и Малого Хингана, занимались коллективной охотой, собирательством, рыболовством. Они умели изготавливать красивую и практичную одежду из меха косули. Особый этнографический интерес представляет традиционный головной убор орочонов, который делался целиком из головы косули. Из бересты орочоны умели делать предметы обихода и лодки. Так же, как и дауры, в результате проводимой правительством КНР политики, во второй половине XX века стали переходить к оседлому образу жизни и земледелию. В 1996 г. охота в Китае была официально запрещена, и орочонам пришлось отказаться от своего любимого занятия.

Орочоны, так же, как и дауры, имеют свой язык, но не имеют письменности, а потому широко используют китайские иероглифы. Как и многие лесные народы, в древности орочоны были шаманистами, анимистами, почитали святые духи гор, солнца и огня. Также у них был распространен культ предков. В настоящее время, так же, как и многие другие народности Китая, они отмечают Праздник Весны, Праздник Середины Осени и Праздник начала лета [Ван, 2007, С. 142-143].

Русские официально считаются одним из национальных меньшинств Китая. По Всекитайской переписи 2010 года, общая численность русской

диаспоры в КНР составляла 15600 человек (все проживают в Дунбэе). На Северо-востоке Китая русские проживают с XVIII века. Особо большие волны миграции, русских в Китай в конце XIX – начале XX вв. связаны со строительством Китайско-восточной железной дороги и событиями Октябрьской революции в Китае. После Второй мировой войны практически все русские из первой и второй волн эмиграции вернулись в Россию.

В прежние времена русские, проживавшие в городах, занимались всеми видами деятельности, включая торговлю, ремонтные работы, извоз, ремесла, а крестьяне жили общинами по несколько дворов и занимались земледелием, животноводством и садоводством. В пище русские в Китае придерживаются своих традиций и обычаев, сами пекут хлеб, но в то же время в настоящее время заметно влияние ханьской культуры.

Русские имеют свой язык и письменность, которые используют дома а в общественной жизни говорят на общепринятом в данной местности языке.

Большинство русских исповедуют православие, некоторые – протестантизм. Главные праздники, отмечаемые русскими в Китае – это Рождество, Масленица и Пасха [Ван, 2007, С. 152-154].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в настоящее время на территории Северо-восточных провинций Китая проживают представители различных национальностей, с различным этногенезом и культурогенезом. Самой многочисленной нацией являются собственно китайцы (ханьцы), но в то же время китайское правительство проводит политику по сохранению самобытности и культуры национальных меньшинств.

Глава 2. Русская диаспора в Харбине.

Особенности социальной адаптации.

2.1 Возникновение и развитие русской диаспоры на северо-востоке Китая.

Возникновению и формированию русской диаспоры на Северо-востоке Китая предшествовал целый ряд исторических событий, который привел к китайско-русскому соглашению о строительстве КВЖД, притоку русских инженеров и рабочих в данный регион и в дальнейшем мощному притоку русских беженцев, спасавшихся от Гражданской войны в России.

С середины XVII века Россия начала активно осваивать дальневосточные территории. К 1680-м гг. русские переселенцы уже контролировали верховья реки Амур. Их главным опорным пунктом был острог Албазин.

Первое историческое упоминание об Албазинском остроге относится к 1650 г., когда отряд казаков под предводительством Ерофея Хабарова без боя занял поселение, принадлежащее Албазе – даурскому князю. Казаки укрепили поселение и назвали его Албазинским острогом. Однако через год казаки сожгли острог и ушли из этих мест.

Спустя пятнадцать лет русские казаки вновь появились в этих местах, заново отстроили острог и занялись сбором пушной дани с местного населения. Дань направлялась в Москву через Нерчинск.

Во второй половине XVII века численность русского населения Албазинского острога значительно увеличилось. В 1682 году было основано Албазинское воеводство, в которое входили территории от слияния рек Аргуни и Шилки до устья реки Зеи.

Начиная со второй половины XVII века пошло активное освоение приамурских земель русскими переселенцами. Развивалось земледелие, появлялись сельскохозяйственные поселения, а также зимовья. В то же время вследствие размытости границы в Приамурье постоянно происходили военные столкновения русских и маньчжур. Острог неоднократно осаждался маньчжурскими войсками, и в 1689 году был подписан Нерчинский договор, по которому территории, на которых стояла Албазинская крепость, отошли Китаю.

Появление представителей *элосьицу* (русских) на территории Китая в XVII веке связано именно с вышеупомянутыми пограничными конфликтами. Маньчжурские военные нередко брали в плен русских казаков и направляли их в Пекин для несения военной службы. Русский полк численностью 2700 человек был расквартирован на севере от Пекина с предоставлением земли для ведения хозяйства [Лапин, 2013, С. 13]. Позже многие из них ассимилировались с китайским населением и освоили китайский язык, что сыграло свою роль в развитии дальнейших российско-китайских отношений. Появление «русской роты» в Пекине подготовило почву для учреждения в китайской столице Российской духовной миссии.

В 1727 году между Россией и Китаем был заключен Кяхтинский договор, согласно которому государственная граница между странами пролегла по реке Аргуни. Китай впервые получил юридическое право на владение районом Хулунбуир в северо-восточной части Маньчжурии и сразу же стал заселять эту пустынную местность. На русской территории также активно шел процесс заселения примыкающих к Приамурью частей Восточной Сибири. В данном регионе возникают многочисленные русские поселения.

В 1763-1764 гг. отношения Китая и России обострились. Причиной послужило послание Екатерины II китайскому правительству. Послание было составлено некорректно с точки зрения китайского дипломатического

протокола, вследствие чего китайцы прервали дипломатические отношения с Россией. Вследствие этого в этот период России не удалось присоединить земли по Амуру.

«Амурский вопрос» вновь встает в XIX веке. Снаряженная благодаря стараниям генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева экспедиция Г. И. Невельского установила, что Амур судоходен на всем своем протяжении и что Сахалин отделен от материка глубоководным проливом. Вследствие установления этих фактов значение Амура для России сильно возросло [Чапыгин, 2006, С. 43]. В 1858 году был подписан Айгуньский договор, по которому левый берег Амура был признан русским, а правый, до реки Усури – китайским.

В середине XIX века в Маньчжурии были обнаружены богатые золотые россыпи, вследствие чего в данный регион стали стягиваться партии российских и китайских старателей. На речке под названием Желта (кит. Мохэ) возникло приисковое поселение с населением до 10000 человек, среди которых были «коренные сибиряки, ссыльные поселенцы, беглые преступники, охотники за легкой наживой» [Чапыгин, 2006, С. 45].. Такой контингент не признавал никаких властей, и место это получило название «Амурской Калифорнии» или «Желтугинской Республики» [там же, С. 45]. Китайское правительство было встревожено наплывом русских переселенцев и направило в приисковое поселение свои войска. Поселение Желтуга было уничтожено, а русские старатели изгнаны с китайских территорий [там же, С. 46].

Важной особенностью всех описанных контактов между представителями России и Китая является то, что, начиная с первых контактов и вплоть до конца XIX, века российско-китайские отношения сводились в основном к обмену дипломатическими посольствами, миссией которых было налаживание торгово-экономических отношений и

урегулирование территориально-пограничных вопросов, а также решение частных мелких проблем.

Новый исторический этап в истории российско-китайских отношений, наступил в 90-х гг. XIX века. В это время дальневосточная политика царской России сместилась с торговли и вопросов о демаркации границы в сторону экономического и политического проникновения в Китай, получения особых прав для российских предпринимателей и всевозможных концессий.

Важным историческим событием, изменившим ситуацию на Дальнем Востоке, была японо-китайская война 1894-1895 гг. В результате этой войны Япония не только получила от Китая огромную контрибуцию, но и установила контроль над Ляодунским полуостровом и Порт-Артуром. В то же время России было необходимо строить железную дорогу до Владивостока. Дорога могла пройти через китайскую Маньчжурию, или же в обход вдоль Амура и Уссури. Еще Александр III поручил все дела, связанные со строительством Сибирской магистрали, министру финансов Сергею Юльевичу Витте, и Николай II не стал отменять этого назначения. С. Ю. Витте хорошо был знаком с проблемами Дальнего Востока. Если раньше естественной преградой между Россией и Японией служило Японское море, то после укрепления Японии на Ляодунском полуострове эта естественная преграда исчезла.

В войне 1894-1895 гг. Япония продемонстрировала всему миру, что она становится одной из мировых держав. По договору, подписанному в японском городе Симоносеки, Китай лишился острова Тайвань, Пескадорских островов и Ляодунского полуострова с прилегающими островами в Желтом море. Кроме того, на Китай была наложена огромная контрибуция в размере 200 миллионов лан (более 25 миллионов фунтов стерлингов).

Такие условия договора категорически не устраивали Россию, вследствие чего российский МИД направил правительствам Франции и Германии обращения с предложением повлиять на Токио и потребовать от Японии исключить из Семиносекского договора пункт о полуострове Ляодун. В результате в апреле 1895 года Россия, Франция и Германия направили Токио союзную ноту, требуя отказа от пункта Семиносекского мирного договора, который предусматривал передачу победителям Ляодунского полуострова. Свои требования державы подкрепили конкретными военными действиями: Германия и Франция усилили свой тихоокеанский военный флот, а Россия провела мобилизацию военнообязанных в Приморском военном округе. Япония уступила под таким давлением и переработала Семиносекский договор. В результате Ляодунский полуостров оставался за Китаем в обмен на контрибуцию в размере 5 миллионов фунтов стерлингов.

В то же время С. Ю. Витте стремился наладить отношения с Китаем. Он предложил китайскому правительству крупный кредит для выплаты первой части контрибуции. С. Ю. Витте удалось организовать Русско-китайский банк (позднее переименованный в Русско-Азиатский банк), который способствовал проникновению русского капитала в Китай, в первую очередь в его северо-восточную часть.

В 1896 году на коронацию Николая II были приглашены многочисленные гости из разных стран, и в том числе представители Китая. Одним из приглашенных китайских гостей оказался Ли Хунчжан, выдающийся китайский политический деятель того времени. За те дни, пока шли коронационные торжества, С. Ю. Витте провел несколько деловых встреч с Ли Хунчжаном. Основным предметом переговоров между китайской и русской сторонами было строительство Транссибирской железнодорожной магистрали через Маньчжурию из Забайкалья до Владивостока. Благодаря дипломатическому таланту С. Ю. Витте, ему удалось убедить Ли Хунчжана, что Россия поддерживает принцип территориальной целостности соседа, но в

то же время сможет оказывать Китаю помощь только в том случае, если у нее самой будут сильные позиции на Дальнем Востоке. Для этого необходимо было построить железную дорогу, которая связала бы центральную часть России с военным портом Владивостоком. С. Ю. Витте также удалось убедить Ли Хучжана, что, если эта железная дорога пройдет через Маньчжурию, то это будет способствовать экономическому развитию северо-восточного региона Китая.

В результате этих переговоров 22 мая 1896 года в Москве между Россией и Китаем был подписан секретный договор об оборонительном союзе против Японии и о постройке Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) [Тихомирова].

Основной задачей подписанного между Россией и Китаем договора было недопущение повторного вторжения Японии на континент. С. Ю. Витте добился включения в договор пункта о том, что Русско-китайский банк получал исключительные права на сооружение и эксплуатацию КВЖД. Однако в договоре было также оговорено, что железная дорога, проложенная через территории Северо-Восточного Китая, не может служить поводом для захвата китайских территорий и может служить только для транспортировки русских войск как в военное, так и в мирное время [Аблова, 2004].

Впоследствии была разработана специальная конвенция о строительстве КВЖД. После того, как конвенция была одобрена правительствами обеих сторон, 27 августа 1896 года в Берлине был подписан «Контракт на постройку и эксплуатацию Китайско-Восточной железной дороги». Контракт состоял из двенадцати статей, которыми предусматривалось создание специального акционерного Общества Китайско-Восточной железной дороги. Акционерами этого общества могли быть только российские и китайские подданные. Срок концессии устанавливался в 80 лет с начала ввода линии в эксплуатацию. Китайское правительство получало право на досрочный выкуп дороги, но не ранее, чем

через 36 лет после начала эксплуатации линии и при условии полного возмещения всех затрат на строительство дороги и долгов КВЖД с процентами. Китайское государство бесплатно предоставляло земли, необходимые для постройки дороги.

Данный контракт давал России ряд важных преимуществ: были понижены на треть таможенные пошлины, правление дороги само устанавливало все тарифы и было освобождено от некоторых налогов и пошлин, управление дорогой осуществлялось Обществом КВЖД (то есть российским правительством).

Китайская сторона также получала определенную выгоду: форсированное экономическое развитие северо-восточных регионов, приток населения, развитие торговли и строительства, появление новых городов. Кроме того, по окончании строительства китайское правительство получало от Общества КВЖД 7,6 млн. рублей золотом [Аблова, 2004, С. 63].

Строительство КВЖД стало мощным фактором, который способствовал появлению крупной российской диаспоры в Северо-Восточном Китае. Первые партии русских инженеров и рабочих приехали в Маньчжурию летом 1897 года. В их задачу входили геофизические изыскания и топографические съемки местности, где предполагалось провести железную дорогу. Изыскания продолжались около трех лет, и в результате была установлена общая протяженность дороги равная 2450 км. Земляные работы на КВЖД были начаты 16 августа 1898 года, а 1 июля 1903 года дорога уже была передана в ведение Эксплуатационного управления. Всего на линии было построено 92 станции и 9 туннелей. По окончании строительства КВЖД на обслуживании дороги работало 39071 человек, из них 18123 русских и 20948 китайцев [Бакулина, 2013, С. 39-40].

Российские подданные, задействованные на строительстве КВЖД, пользовались правами экстерриториальности. Постепенно в полосе

отчуждения железной дороги была воспроизведена обычная российская административная система: полиция, суд. Охрана дороги и служб осуществлялась пятью сотнями конных казаков.

В процессе строительства КВЖД в Маньчжурии возникли новые города: Дальний, Маньчжурия и Харбин. Административным центром дороги стал город Харбин, который обязан своим возникновением и развитием русским строителям дороги – этот современный китайский город с населением 10 млн. человек был спроектирован и заложен русскими строителями. Датой основания Харбина считается 23 апреля 1889 года. В 1899 году в Харбине насчитывалось до 14000 русских, а в 1912 году русские эмигранты составляли уже около 40000 человек (60% населения Харбина). В числе выходцев из России были представители разных ее национальностей: русские, поляки, евреи, армяне, грузины и другие. К началу Первой мировой войны русское население Харбина составляло 43500 человек (64,5% от общего населения) [Чапыгин, 2006, С. 56]. Про общую численность российской диаспоры на Северо-востоке Китая в этот период российский востоковед Г. Мелихов пишет так: «Численность российской колонии в Маньчжурии в ноябре 1917 г., как показали выборы в Учредительное собрание, составляла приблизительно 100-110 тыс. человек трудоспособного мужского населения (в том числе 25 тыс. солдат и офицеров, занятых в охране дороги), а вместе с членами их семей – не менее 200-220 тыс. человек» [Мелихов, 2003].

Таким образом, в период, предшествовавший событиям Октябрьской революции в России, территории Маньчжурии активно осваивались. Этот процесс был напрямую связан с постройкой КВЖД и притоком русского населения в данный регион, а также с размытостью государственных границ и многочисленными переходами русских и китайцев в обоих направлениях.

Следующий период развития русской диаспоры на Северо-востоке Китая связан с революционными событиями 1917 года и последовавшей

Гражданской войной в России. Солдаты и офицеры разбитых частей Белой армии, беженцы и гражданское население значительно увеличили численность русского населения в данном регионе.

Первая массовая волна русских беженцев в Китай с территории Советской России связана с падением Омского правительства в конце 1919 – начале 1920 гг. Вторая волна последовала в октябре 1920 г. вслед за падением власти атамана Семенова в Забайкалье и третья – после окончания Гражданской войны на Дальнем Востоке в 1922 г. [Чапыгин, 2006, С. 59].

Достаточно сложно определить общую численность беженцев из России в этот период. По мнению большинства исследователей, их количество достигало 200 тыс. человек. Они селились вдоль всей линии КВЖД, но особенно много их было в Харбине. По данным Земельного отдела КВЖД на 1 января 1921 г. русское население в Харбине составляло 165857 человек, на Западной линии КВЖД – 69780 человек, на Восточной – 42614 человек и на Южной – 9972 человека [Чапыгин, 2006, С. 64]. По данным некоторых исследователей, к 1922 году количество русского населения в Харбине достигало лишь 105000 человек [Бакулина, 2013, С. 40].

В последующие годы около 100000 бывших русских белогвардейцев вернулись из Маньчжурии в Россию, прослышав об амнистии для рядовых участников белогвардейских боевых соединений. Много русских переселенцев в Китае уехало в США (до 10000 человек). Но в то же время в Маньчжурию шел постоянный приток сибирских крестьян, бежавших от коллективизации и раскулачивания [Чапыгин, 2006, С. 64].

Социальный состав российских эмигрантов в Маньчжурии в 1922 году представлял следующую картину: крестьяне – 44,8%, казаки – 17, 5%, мещане – 9,5%, рабочие (в основном из Перми, Ижевска и Воткинска) – 6,4%, дворяне (главным образом, из Москвы и Петрограда) – 3,6%, высшее офицерство, высокопоставленные чиновники с семьями – 2,35% [Чапыгин,

2006, С. 65-66]. В целом, в русской диаспоре в Маньчжурии к 20-м гг. XX века присутствовали представители всех социальных слоев дореволюционной России.

С 1932 года наступает новый период в жизни русской диаспоры на северо-востоке Китая. Это новое время связано с японской оккупацией и созданием марионеточного государства Маньчжоу-го. Японское правительство проводило целенаправленную политику по переселению своих граждан в Маньчжурию, вследствие чего количество японских граждан в Харбине резко возросло [Бакулина, 2013, С. 40]. Японские оккупационные власти с одной стороны, видели в многочисленной российской общине своих союзников в борьбе против СССР, но в то же время опасались, что среди русских в Маньчжурии могут работать сотрудники советской внешней разведки. Для установления контроля над русскими в Маньчжурии японское правительство указом от 28 декабря 1934 года создало «Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи» (БРЭМ), которое должно было провести регистрацию всех русских, проживающих в Маньчжурии, вне зависимости от гражданства. БРЭМ взяло под контроль все административные институты, военные организации, культурные учреждения, учебные заведения, которые функционировали на то время в российской общине в Маньчжурии. С 1939 года все русские жители Харбина в принудительном порядке посещали курсы японского языка, а с марта 1941 года вся русская эмигрантская молодежь была обязана изучать государственный, язык Маньчжоу-го – китайский [Бакулина, С. 41-42].

В первой половине 1930-х гг. японские власти стремились вытеснить русских в КВЖД. Многие советские служащие железной дороги были арестованы и замещены более лояльными русскими эмигрантами или же японскими подданными. Для разрешения создавшейся напряженной ситуации российская и японская стороны провели ряд переговоров, в результате которых в Токио 23 марта 1935 года было подписано «Соглашение

между Союзом Советских Социалистических Республик и Маньчжоу-го прав Союза Советских Социалистических Республик в отношении Китайской Восточной железной дороги (Северо-Маньчжурской железной дороги)». По этому Соглашению, все советские старшие должностные лица КВЖД были уволены и могли оставаться в Маньчжурии лишь в течение двух месяцев для решения личных дел. Имущество КВЖД было передано правительству Маньчжоу-го за незначительную компенсацию. Такие обстоятельства спровоцировали массовый выезд советских рабочих и служащих КВЖД из Маньчжурии.

Во время японо-китайской войны 1937-1945 гг. положение русской диаспоры в Харбине осложнилось: по гражданскому кодексу Маньчжоу-го, введенному 1 декабря 1937 года, ценообразование на рынке жилья переходило под контроль японских властей, что привело к увеличению арендной платы в муниципальном жилье, ужесточению налоговой политики и подрывало экономическую стабильность русских домовладельцев. В то же время шла активная идеологическая обработка русского населения, которых призывали стать «лояльными подданными Маньчжоу-го» [Аурилене, 1998, С. 107].

Новый период в истории российской эмиграции в Маньчжурии наступил с приходом Советской Армии в 1945 году. После капитуляции Японии наблюдался не только массовый выезд русских из Харбина, но и арестами русских харбинцев сотрудниками советской контрразведки СМЕРШ. К 1960-м гг. почти все русские жители Харбина покинули город. Так завершился период расцвета крупнейшей русской диаспоры в истории русской эмиграции.

2.2. Некоторые особенности социальной адаптации русских в Харбине.

Социальная адаптация представляет собой процесс приспособления индивида при помощи различных социальных средств в направлении растущего соответствия и совместимости с новой социально-культурной средой, своего рода растяженное во времени движение от дезадаптации и отторжения к полной ассимиляции. Процесс социализации в новой социокультурной среде, который можно условно разделить на несколько этапов: узнавание, накопление и усвоение новых знаний, умений и навыков, процесс превращения социальных ценностей и норм во внутренние механизмы регуляции собственной деятельности (процесс интериоризации). Традиционно выделяют следующие стадии социальной адаптации:

- 1) Адаптационный шок, под которым понимается общее расстройство функций социального субъекта или системы, вследствие какого-либо потрясения социогенного характера, вызванного резким нарушением привычного взаимодействия с внешней средой. Это одна из наиболее болезненных стадий социальной адаптации, которая часто сопровождается парализующим страхом и бездействием. Именно на этой стадии социальной адаптации субъект впервые сталкивается с необходимостью освоения новых элементов социальной среды и узнаёт их позитивные и негативные стороны. Если адаптирующийся индивид не обладает достаточными ресурсами для преодоления возникающих трудностей, то на этой стадии может пострадать его человеческая личность, что в некоторых случаях ведет к физической гибели [Статья «Социальная адаптация», доступна на сайте: http://studopedia.su/10_143969_sotsialnaya-adaptatsiya.html].
- 2) Мобилизация адаптационных ресурсов. На данной стадии, которая следует за адаптационным шоком, субъект должен глубоко осмыслить новую ситуацию и приложить усилия для поиска выхода из сложившейся ситуации. Субъект должен выбрать оптимальную стратегию своего поведения и приступить к действиям, иными словами

– активизировать свой адаптационный потенциал. Адаптационный потенциал личности может заключаться в особенностях характера, уровне образования и квалификации, определенном статусе и некоторых других элементах. Именно наличие и величина адаптационного потенциала у личности определяют ее способность адаптироваться в новой среде и освоиться в ней.

- 3) Ответ на «вызов среды» – третья и завершающая стадия социальной адаптации. На данном этапе субъект реализует конкретную стратегию приспособления в новых условиях.

Социальная адаптация может делиться на добровольную и вынужденную. При добровольной социальной адаптации субъект попадает в среду, в которой новые условия жизнедеятельности не противоречат его системе ценностных ориентаций, убеждений и идеалов, а, напротив, предоставляют новые возможности для развития и личностного роста, а потому не отторгаются на первом этапе, а принимаются естественным образом, даже если при этом требуется приложить определенные усилия. Так, например, переезд в другую страну с более высоким уровнем жизни, где субъект может сделать хорошую карьеру и жить в более комфортных условиях может рассматриваться человеком как основание и необходимость для приложения усилий по оформлению формальностей, переезду и прикладыванию определенных усилий по адаптации в новой среде. Все трудности, возникающие на пути такого человека, воспринимаются как «трудности роста», которые необходимо пройти для достижения поставленной цели.

- 4) В условиях добровольной адаптации изменения социальной среды, к которым необходимо адаптироваться субъекту, во-первых, не мешают ему жить и действовать привычным, удобным и доступным для него способом. Во-вторых, свойственные ранее субъекту ценностные установки, принципы и идеалы, изменяются в новых условиях жизнедеятельности без особого сопротивления и напряжения, так как

он сам поверил, или убедился в достоинствах и преимуществах нового, по сравнению со старым. В-третьих, требования, которые предъявляются субъекту социальной средой, в определённой степени корректируются таким образом, что становятся понятными и доступными ему [Статья «Социальная адаптация», доступна на сайте: http://studopedia.su/10_143969_sotsialnaya-adaptatsiya.html].

Вынужденная адаптация, напротив, ситуация, при которой характеристики и свойства новой для субъекта среды жизнедеятельности, не соответствуют и противоречат его ценностно-нормативным установкам. Однако, при этом, субъект не может не принять эти характеристики. То есть, в отличие от добровольной адаптации, вынужденная адаптация жёстко заставляет человека принять новые условия жизнедеятельности. Не сделав этого, он не сможет не только найти новую для себя социальную нишу и новые возможности самореализации, но и утратит имеющиеся. Например, чтобы сохранить жизнь себе и своим близким, возможность работать, учиться, человек может согласиться принять самые жёсткие требования общества или власти, даже противоречащие его внутренним убеждениям.

Также характер социальной адаптации в чужой стране зависит от характера миграции, которая также может быть добровольной и вынужденной. В нашем исследовании речь идет о двух периодах притока российских эмигрантов в Манчжурию: 1) в период 1898-1903 гг. – период строительства КВЖД и 2) в период 1917-1922 гг. – период притока русских эмигрантов-беженцев, спасающихся от последствий Октябрьской революции и последовавшей Гражданской войны. Первый период характеризуется как добровольная эмиграция, поскольку КВЖД привлекала российских служащих высокими зарплатами и статусом, а второй период является эмиграцией вынужденного характера, зачастую принимая форму бегства. Соответственно, и характер социальной адаптации для двух периодов будет не одинаковым.

Процесс социальной адаптации может изучаться на трех уровнях: 1) общество (макросреда), 2) социальные группы (микросреда), 3) сам индивид (внутриличностная адаптация). В данном разделе мы будем рассматривать некоторые особенности социальной адаптации русских в Харбине в макро- и микросреде.

В первый период притока русских эмигрантов в Маньчжурию - период строительства КВЖД (1898-1903 гг.) важным является то, что, во-первых, все российские работники приезжали на строительство добровольно, а, во-вторых, российская администрация проводила продуманную политику для установления дружественных отношений между русскими и китайскими работниками, обслуживающими железную дорогу. Русские и китайцы, в большинстве своем переселенные из других районов, селились рядом друг с другом, пользовались одинаковыми правами и сталкивались с одинаковыми трудностями.

По утверждению российского исследователя И. В. Чапыгина, «жизнь русского и китайского населения в полосе отчуждения КВЖД в течение более чем 50-летнего «русского эпизода» в Маньчжурии (за исключением событий июля-августа 1900 г. – восстания ихэтуаней) проходила без эксцессов, без столкновений, тем более на расовой или религиозной почве» [Чапыгин, 2006, С. 48]. Бытовые противоречия между китайцами и русскими разрешались при помощи специальных комиссий, которые назывались *цзяошэцзюй*. В состав этих комиссий входили представители китайской администрации, а также русской должностные лица, назначаемые правлением КВЖД.

В то же время исследование некоторых вопросов адаптации россиян в Маньчжурии в первой половине XX века, проведенное российским историком И. В. Ставровым показало, что степень ассимиляции и аккультурации русских эмигрантов в Китае была очень не высока. Это объясняется тем, что представители русской диаспоры стремились сохранять свою исконную культуру, а также тем, что большинство из них изначально

совершенно не знало китайского языка и, прибыв на китайские территории, не стремилось его изучать. Кроме того, русская диаспора создавала свои многочисленные эмигрантские организации, которые были закрыты для представителей других наций, и к тому же большинство вынужденных русских переселенцев в Китай не испытывало особого интереса к культуре, быту и нравам Китая. Вследствие всех этих факторов И. В. Ставров полагает, что ведущим, если не единственным типом аккультурации россиян на китайских территориях в первые периоды эмиграции (от первой большой волны при начале строительства КВЖД и до 1920-х гг.) была сепарация.

Важной частью деятельности русских эмигрантов в Харбине была культурно-просветительская работа. Русские эмигранты издавали в Маньчжурии более 250 периодических печатных изданий на русском языке. Пресса создавала и поддерживала единое информационное поле русского сообщества. Самым популярным изданием был традиционный семейный журнал «Нива» с подпиской в 1000 экземпляров, затем шло «Русское слово», «Пробуждение», «Огонек», «Вокруг света», «Светлячок», «Русская мысль», «Современный мир». Из России прибывали в Харбин такие издания, как «Биржевые ведомости», «Новое время», «Русские ведомости», «Русский инвалид», «Природа и люди», «Исторический вестник», «Русская старина», «Вестник Европы», «Северные записки», «Русские записки» и другие. Со многими из этих изданий жители русской диаспоры знакомились в харбинских читальнях и библиотеках, которых к 1925 г. в городе насчитывалось до 25 [Мелихов, 2003, С. 20]. Были созданы учебные заведения (Харбинский политехнический институт, Юридический институт, Институт Ориентальных и коммерческих наук, Педагогический институт, Высшие экономико-юридические курсы и другие) и научные общества (Общество русских ориенталистов, Общество изучения Маньчжурского края). Эти общества занимались научным изучением Маньчжурии и китайского языка. В то же время на бытовом уровне русские жители Харбина не воспринимали и не понимали китайскую культуру – они отмечали только

свои, российские праздники, в популярных периодических изданиях русской диаспоры в Харбине (например, журнал «Рубеж») было очень незначительное количество публикаций, посвященных культуре и обычаям Китая [Ставров, 2003, С. 61-64].

Многие исследователи указывают, что важной особенностью русских общин в Маньчжурии, и, в частности, в Харбине, было сохранение русского быта и русского уклада жизни [Мелихов, 2003, С. 6-8]. Дети, рождавшиеся в русских семьях в эмигрантском Харбине, посещали русские детские садики, отмечали русское православное Рождество и христианские праздники, общались со своими русскими сверстниками, ходили в русские школы и гимназии.

Для женщин также существовали многочисленные профессиональные курсы: фармацевтов, сестер, сиделок – для обслуживания медицины; секретарш и машинисток; портних и дизайнеров; актрис и певиц. Как только возникала потребность в какой-либо специальности в русской общине, тут же появлялись прекрасно организованные соответствующие курсы [Мелихов, 2003, С. 56].

В рамках харбинской русской общины существовали музыкальные школы, организовывались концерты и эстрадные выступления, очень популярна среди харбинцев была оперетта, симфонический оркестр, духовой оркестр [Мелихов, 2003, С. 56-67].

Православные праздники, которые отмечали все русские эмигранты в Харбине, не только являлись важным элементом жизни русской общины, но и объединяющим фактором для представителей разных слоев населения. Вот как описывает, например, Праздник Крещения в Харбине Г. В. Мелихов: «А вот 19 января 1936 года. День как всегда – ясный, солнечный и морозный, около 30 градусов или побольше... Толпами усеяна река; главное стечение народа вокруг «Иордани», огромного ледяного Креста и у вырубленного

неподалеку во льду бассейна-купели, где будет крещенское купание всех желающих... Сегодня здесь, без преувеличения, весь Харбин. Все покинули свои дома, чтобы участвовать и видеть! Видеть! В толпе... общественные деятели, коммерсанты, и молодежь, нарядно одетые молодые дамы, и старики и старушки... Очень много иностранцев, всегда восхищавшихся и удивлявшихся купанию русских в ледяной воде... Несметная толпа. Море людей... Богослужение. Пение хора разносится до обоих берегов реки... Ломом прорубается покрывающий купель тонкий слой льда... Архипастырь троекратно погружает в воду крест. Епископ Нестор окропляет присутствующих святой водой... С приготовленными заранее бутылками и бутылочками, самыми разными сосудами, люди, стоящие поближе, первыми торопятся набрать святую крещенскую воду... До самого вечера верующие будут брать из Иордани воду – в такие же бутылочки, кувшинчики, даже чайники и прочие посуды. А, если не захватили их из дому, не беда: можете тут же купить их у китайцев, которые прекрасно знают этот (да и все прочие!) русский обычай и заблаговременно заготовили груды подобного товара, который к вечеру весь раскупается...» [Мелихов, 2003, С. 123-129]. Из этого отрывка мы видим, что вплоть до японской оккупации российская диаспора в Харбине широко праздновала религиозные праздники в старорусском дореволюционном стиле. Китайцы же прекрасно знали обычаи русских эмигрантов и в духе своего национального характера спешили извлечь из этого свою выгоду.

Особый интерес представляют торгово-промышленные предприятия русских в Харбине. Крупнейшей организацией этого профиля была Харбинская Биржа, которая способствовала расширению деятельности русских фирм и компаний и охраняли их интересы в Харбине. Крупнейшей фирмой, действовавшей в городе, была компания «Чурин», у которой были табачная, чайная развесочная фабрики, колбасный цех, фабрика лаков и красок, пивоваренный, кожевенный, мыловаренный, уксусный и водочный заводы. Фирма также имела Техничко-химический отдел по производству

парфюмерии и туалетного мыла, подвалы местных и импортных вин, пошивные мастерские, свою электрическую станцию и три универсальных магазинами в Харбине.

Фирма иркутского купца И. Я. Чурина была открыта в Сибири еще в 1860-х гг., а в Харбине первый магазин фирмы появился в Старом Городе уже в 1898 году, то есть одновременно с закладкой самого города. В 1917-1922 гг. фирма «Чурин» дала работу сотням российских беженцев, спасая их самих и их семьи от голодной смерти. Также фирма отличалась своим заботливым отношением к служащим, обеспечивая их здоровье, культурный досуг и спорт. Кроме того, до революции 1917 года «фирма «Чурин» была проводником в стране русских товаров, представляя московскую мануфактурную промышленность и многие отрасли русской и сибирской промышленности» [Мелихов, 2003, С. 145].

Получается, что служащие КВЖД могли спокойно жить и работать при железной дороге в Маньчжурии в рамках русского сообщества, не зная ничего о китайской культуре и обычаях и не владея китайским языком. Возможно, это можно объяснить тем, что многие из них считали свое пребывание в Китае временной командировкой и не стремились ассимилироваться с местной культурой.

Важным является то, что Харбин сразу же возник как многонациональный город, вследствие чего здесь не было «старожилов» и «новичков» - все были равны, вследствие чего возникла атмосфера национальной толерантности и религиозной терпимости, так же как в свое время в Санкт-Петербурге и в Нью-Йорке. Здесь была русская колония, украинская диаспора, сообщества поляков, японцев, китайцев, немцев, латышей, эстонцев, евреев. Следует отметить, что в Харбине не было никакого антисемитизма, черты оседлости, какой-либо дискриминации в отношении евреев.

В городе широко праздновались не только русские православные праздники, но и китайские (в китайский праздник Поминовения Душ Усопших китайцы пускали по Сунгари тысячи фонариков), и японские (осенью в праздник японского синтоистского храма Дзиндзя японцы надевали национальные одежды, белые повязки на голову и носили на плечах по Новому городу Оомикоси – уменьшенный макет этого храма), и католические (праздник Пресвятой Евхаристии), и еврейские (еврейский новый Год, еврейская Пасха) [Мелихов, 2003, С. 150, 212-213].

Даже если степень взаимодействия русского и китайского населения ограничивалась деловыми контактами без заметного взаимопроникновения культур, то все равно стоит отметить дружественный характер взаимодействия китайцев и русских.

Русские эмигранты, переселившиеся в Маньчжурию в данный период, достаточно хорошо и легко адаптировались на китайской земле. У них была работа, жилье, право экстерриториальности и сохранения своего уклада жизни и религии, относительно спокойная политическая обстановка.

В то же время представители второй большой волны эмиграции, – русских, бежавших в Китай от революционных событий и гражданской войны, а также остатки Белой армии, вытесненной из Сибири, - встретились с большими проблемами при социальной, трудовой и культурной адаптации на Северо-востоке Китая. Изначально большинство этих людей оказались в незавидном положении – ведь с победой Советской власти они потеряли все: «деньги, работу, средства к существованию, Родину» [Мелихов, 2003, С. 284]. Их тяжелое положение также определялось незнанием китайского языка, резким переходом в чуждую, незнакомую культуру, невозможностью найти работу, неопределенностью юридического статуса. Кроме того, в 1920 г. пекинское правительство заявило о непризнании русского посланника и консулов и отмене права экстерриториальности русских в Китае [Мелихов, 2003, С. 197]. Русские судебные учреждения в Харбине были закрыты. Таким

образом, представители второй, пост-революционной волны эмиграции из России уже не имели тех привилегий, которыми обладала первая волна русских переселенцев в Маньчжурию.

Из представителей послереволюционной волны русских беженцев легче всего проходили адаптацию предприниматели, коммерсанты, люди, владеющие капиталом и сумевшие этот капитал перевести в Маньчжурию. Они могли открыть собственное дело: магазин, фирму или предприятие, что значительно облегчало их жизнь на чужбине. Часть казачества стала основывать новые поселения и станицы в Барге и заниматься сельским хозяйством.

В относительно неплохом положении оказались также квалифицированные рабочие, ремесленники и люди с определенными ремесленными навыками. Также в Китае в этот период высоко ценились технические работники – русская эмиграция внесла крупный вклад в техническое развитие и модернизацию Китая того времени.

По мнению российского историка И. В. Чапыгина, наиболее сложной адаптации подверглись представители рядового и низшего командного состава российской армии и казачества, которые не имели гражданских профессий и не владели каким-нибудь гражданским ремеслом. Им приходилось браться за любую работу и конкурировать с местным низкооплачиваемым китайским населением (кули). В первое время российские эмигранты из этой группы могли рассчитывать на работу только у своих соотечественников и выживали во многом благодаря благотворительной деятельности российской диаспоры [Чапыгин, 2006, С. 68]. КВЖД как российское предприятие по мере сил трудоустраивало беженцев, но, вследствие их многочисленности, не могло обеспечить работой всех.

Также сложно адаптировались в новых условиях представители средней и высшей интеллигенции, которым для своей профессиональной реализации требовалось знание китайского языка, которого не было. Они брались за любую работу, чтобы прокормить себя и свои семьи.

В то же время важной особенностью второй волны русской эмиграции в Китай было то, что она попала в среду, где уже существовали территории компактного проживания русских, которые всеми способами старались помочь вновь прибывшим соотечественникам: по мере возможности предоставляли им работу, создавали благотворительные организации для соотечественников [Ревякина, 2005]. О широкой благотворительности писал также и Г. В. Мелихов: «Прибывающие одна за другой в Маньчжурию и Харбин волны беженцев чрезвычайно оживили местную российскую благотворительность... Многочисленные российские благотворительные организации оказывали большую помощь беженцам в их благоустройстве; помогала и «волнообразность» прибытия беженцев: приехавшие раньше уже бывали в состоянии помогать вновь прибывшим» [Мелихов, 2003, С. 324]. В то же время и сами беженцы прилагали все усилия для адаптации на новых территориях.

По воспоминаниям Г. В. Мелихова, все русские беженцы отличались огромным трудолюбием и упорством. В течение двух-трех лет многим из них удалось встать на ноги, открыть собственное дело. К 1925 году в Харбине уже насчитывалось пять коммерческих банков, четыре тепловые станции, восемь паровых мельниц, 66 заводов и фабрик (в том числе 10 водочных), более 260 различных мастерских, 12 транспортно-страховых компаний, 25 предприятий оптовой торговли, 44 торговых склада (в том числе 11 лесных), около 100 промтоварных и 180 продовольственных магазинов, более 150 предприятий общественного питания, 3 театра, 8 кинотеатров, 25 типографий и издательств, 32 гостиницы, 66 аптек, 34 книжных и канцелярских магазина,

около 165 предприятий коммунальных услуг и много других, принадлежавших российскому капиталу [Мелихов, 2003, 291-292].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что адаптация представителей русской диаспоры на Северо-востоке Китая проходила различным образом для первой волны переселенцев, прибывших на строительство КВЖД, и для вынужденных беженцев, бежавших в Маньчжурию после Октябрьской революции и гражданской войны в России. Для первых адаптация проходила достаточно легко и естественным образом, а для вторых – мучительно, с большим количеством сложностей и в тяжелых условиях.

Глава 2.3. Русская культура в современном Китае.

В предыдущих главах данной работы нами была рассмотрена история русской диаспоры на Северо-востоке Китая, в районе современного района Дунбэй. Нами было показано, как зародилась русская диаспора, как строилась КВЖД, как возник и развивался город Харбин, который после Октябрьской революции 1917 года долго еще оставался осколком Великой Российской Империи с дореволюционным укладом жизни и исконно русской культурой. Мы также показали, как происходил исход русских из Китая, когда после окончания Второй мировой войны большая часть русской диаспоры с Северо-востока Китая либо бежала в третьи страны, либо принудительно была возвращена в Россию.

В то же время русская национальность официально признана одним из национальных меньшинств Китая. По переписи 2000 года, она являлась одной из самых малочисленных народностей – по переписи общая численность русского населения составляла 15609 человек, из которых 8935

проживали в Синьцзяне и 5020 человек во Внутренней Монголии¹. Представителей русского национального меньшинства китайцы называют 俄罗斯族 – элосыцзу. Этот термин относится к гражданам КНР русской национальности, которые в настоящее время проживают в северных районах Китая: в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, автономном районе Внутренняя Монголия и в провинции Хэйлуцзян. В представлении китайцев элосыцзу подразделяются на две группы. К первой относятся 俄侨 эцяо и 苏侨 суцяо, что обозначает «российские эмигранты» (так называют русских, которые мигрировали в Китай до Октябрьской революции и белоэмигранты) и «советские эмигранты» (граждане СССР, выехавшие из страны). Представителей элосыцзу второй группы называют 华俄后裔 хуаэ хоуи, что дословно переводится как «потомки китайцев и русских». Также для второй группы в последние годы часто используется термин 混血民族 хуньсюэ миньцзу (народность со смешанной кровью)².

В настоящее время мы можем говорить о новой волне эмиграции граждан России и сопредельных государств, которые воспринимаются китайцами как русские, в Китай. Необходимо отметить, что для современных китайцев «русскими» для китайцев являются не только непосредственно представители русской национальности, но и многочисленные выходцы из стран бывшего СНГ – носители русского языка и русской культуры, вне зависимости от страны исхода и этнической принадлежности. Мотивы и характер каждого отдельного современного русского мигранта в Китае могут очень сильно отличаться – это и российские бизнесмены, которые приезжают в Китай делать бизнес, и путешественники, и российские студенты, обучающиеся в работающие в Китае, и вышедшие за китайцев русские девушки и русские мужчины, женившиеся на китайках и оставшиеся в Поднебесной.

---

¹Русские в Китае. И. Ю. Гутин. Статья доступна на сайте: <http://sadpanda.cn/archives/16361>

²Курто О. И. Русский мир в Китае. Книга доступна онлайн на сайте: https://openlibrary.org/works/OL17059902W/Russian_World_In_China

В настоящее время появилось большое количество научных и публицистических работ, посвященных русскому присутствию в Китае. Исследователям не только стал открыт свободный доступ в Китай, но и многочисленные архивные материалы по истории русских диаспор в Пекине, Харбине, Шанхае и других больших городах Китая. Главные темы, которые представляют наибольший интерес для исследователей русской диаспоры в современном Китае, – это внешнеполитические, экономические, торговые, культурные контакты, степень взаимного влияния и взаимного проникновения китайской и русской культур в результате возникновения русских диаспор, а также политика российского правительства на Дальнем Востоке, социальные противоречия между китайцами и русскими и многие другие вопросы. Особый интерес для исследователей представляет миссия Русской Православной Церкви в Китае, восприятие в России образа Китая и образа России в Китае, а также район «русского Трехречья».

Центром современного российского сообщества не только в столице Китая, но и по всей территории страны является российское посольство в Пекине. Площадь посольства составляет 16 га и является крупнейшим посольским центром в мире³. После того, как в 1955 г. прекратила существование Русская духовная миссия в Пекине, Посольство стало не только политическим, но и духовным, и культурным центром российского сообщества. На территории Посольства находится один из действующих русских православных храмов, так называемая «Красная Фанза». Ранее в ней располагалась домашняя церковь в честь святителя Иннокентия Иркутского и Архиерейский дом миссии, а в настоящее время здесь проходят богослужения Свято-Успенской православной общины Пекина, которая является самой многочисленной православной общины Китая⁴.

---

³Там же.

⁴Там же.

При Посольстве действует школа на 300 детей. В ней обучаются дети российских дипломатов и служащих, а также дети граждан СНГ, Восточной Европы и регионов мира.

Русский язык по-прежнему достаточно популярен в Китае. Им свободно владеют многие политические лидеры Китая, включая председателя КНР Цзянь Цзэминь, главу китайского парламента Ли Пэна, вице-преьера Госсовета Ли Ланьцин⁵. В то же многие исследователи отмечают, что в сфере образования в настоящее время происходит вытеснение русского языка английским. Так, с начала 90-х гг. количество кафедр русского языка в китайских вузах сократилось с 40 до 30, количество преподавателей русского языка – с 4000 до 2000 человек. В средних школах Китая преподавание русского языка ведется в основном в северо-восточных районах страны, а на юге – только в Шанхае и в провинции Чжэцзян⁶.

В то же время Посольство, а также Китайское пушкинское общество, Ассоциация изучения русской и советской литературы, Китайская ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) активно занимаются популяризацией русского языка в Китае. Многие китайцы читали произведения российских писателей в переводе на китайский язык: А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, И.С.Тургенева, Л.Н.Толстого, А.П.Чехова, М.А.Горького, советских и современных российских писателей. В КНР широко отмечалось 200-летие А. С. Пушкина. Перед юбилеем было издано 15 собраний сочинений великого поэта, включая выпущенный в Шанхае 17-томник и в Чанша 15-томник.

Многие китайцы знают и любят русские и советские песни. Самые популярные из них «Подмосковные вечера», «Катюша» и «Полюшко-поле». В

---

⁵О положении русского языка в Китае. Статья доступна на сайте Российского МИДа: http://www.mid.ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/538478/pop_up?_101_INSTANCE_WhKWb5DVBqKA_viewMode=print&_101_INSTANCE_WhKWb5DVBqKA_qrIndex=0

⁶Там же.

Китае функционирует около сорока самодеятельных хоровых коллективов, которые регулярно проводят фестивали русской песни.

Также на русском языке издаются периодические издания (например, агентство «Синхуа» выпускает ежедневный информационный бюллетень объемом до ста страниц), Международное радио Китая осуществляет 20-часовое внешнее и одночасовое вещание на 22 крупнейших китайских города в диапазоне УКВ на русском языке, на Пекинском телевидении еженедельно идет получасовая передача "Русские страницы", которая ретранслируется на всю страну и имеет самый высокий рейтинг среди телепередач на иностранных языках⁷.

Самой известной русской улицей в Пекине является улица Ябаолу. Она расположена за второй кольцевой дороги в районе Чаоян и представляет из себя целый квартал, который часто называют 俄罗斯街 - «русской улицей». Иностранцы также часто называют этот район «Russiantown» - Русский городок. Здесь находятся магазины с ассортиментом русских товаров, русские рестораны, аптеки, парикмахерские, все вывески и реклама переведены на русский язык. Здесь можно купить товары из России, такие как русский творог, сметану, сыр, шоколад и другие. Также здесь работает особая организация «Союз русскоговорящих работников».

Расцвет Ябаолу пришелся на начало 1990-х гг., когда русские крупные коммерсанты и мелкие торговцы – так называемые «челноки» - начали закупать в Китае оптовые партии товаров и переправлять их в Россию. Тогда в Китае появились целые предприятия, работающие на экспорт в Россию. В настоящее время Ябаолу продолжает наращивать товарооборот с Россией.

Кроме того, в районе Ябаолу расположены русские рестораны «Слон», «Сим-Сим», «Черный медведь», «Шоколад». В то же время российская исследовательница О. И. Курто отмечает, что в Ябаолу работают

---

⁷Там же.

исключительно китайские бизнесмены и предприниматели, в то время как русские играют роль покупателей и деловых партнеров, но не главных действующих лиц рынка⁸.

Другим важным официальным центром русской диаспоры в Китае в настоящее время является Генеральное консульство РФ в Шанхае. Оно расположено на центральной набережной Шанхая, на улице Хуанпу-лу. Консульство занимается защитой в Китае интересов России, российских граждан и организаций, а также развитие культурных, торговых, научно-технических российско-китайских связей.

При Консульстве также действует российская школа, которая предоставляет образование детям работников консульства по стандартам РФ. Школа получила лицензию в 1989 году. Часть детей учатся дистанционно и сдают экзамены в школе раз в два месяца экстерном. Кроме того, на территории консульства регулярно проводятся православные богослужения, а также в частном порядке крестины, молебны и панихиды. В настоящее время в Шанхае служит священник Алексей Киселевич⁹.

Подавляющее большинство современных представителей русского сообщества в Шанхае – это либо студенты, либо бизнесмены и члены их семей. Русские студенты, как правило, проживают в студенческих общежитиях или в отелях при кампусах, а русские, приехавшие в Шанхай по работе живут либо на квартирах, предоставляемых работодателем, либо снимают жилье самостоятельно. В повседневной жизни существуют большие различия между русскими и китайцами, в результате чего на бытовом уровне сближение происходит с трудом. Большинство русских в современном Шанхае сознательно избегают ассимиляции, но и даже при большом желании ассимиляция невозможна из-за языкового и культурного барьера.

---

⁸Курто О. И. Русский мир в Китае. Книга доступна онлайн на сайте: https://openlibrary.org/works/OL17059902W/Russian_World_In_China

⁹Курто О. И. Русский мир в Китае. Книга доступна онлайн на сайте: https://openlibrary.org/works/OL17059902W/Russian_World_In_China

В то же время, как отмечает российская исследовательница русской культуры в современном Китае О. И. Курто: «Нынешняя русская община в Шанхае – это сообщество «людей дела». Стремительно развивающийся город, сохраняющий свою национальную специфику, отказывается принимать праздность и лень. А потому все, оказавшиеся здесь русские вынуждены принимать те условия жизни, которые диктует город. Независимо от того, сколь долго находится в Шанхае русский, он стремится не только понять чужую культуру, но и найти в ней черты, напоминающие русские. В целом, космополитизм, присущий Шанхаю, делает его весьма удобным для проживания иностранцев»¹⁰.

В Харбине за последние два десятилетия сформировалась новая российская диаспора, совершенно не имеющая отношения к первой волне русских мигрантов в конце XIX – начале XX века при строительстве КВЖД. По описанию О. И. Курто, новые русские харбинцы – это «преподаватели китайских ВУЗов, студенты, «челноки» из Сибири и Дальнего Востока, осевшие в новой стране, люди, приехавшие в Китай с целью заработка (художники, переводчики, русские помощники китайских бизнесменов, официанты, проститутки и пр.)»¹¹. Интересно, что они практически не имеют шансов получить китайское гражданство, и потому осознают, что должны будут рано или поздно вернуться на Родину. По результатам опросов, проведенных среди русских в Харбине, многие из них хотели бы остаться в Китае и не возвращаться в Россию.

В Харбине работает православная Покровская церковь, где по воскресеньям встречаются все русские, а также дети от смешанных браков, унаследовавшие от одного из родителей православную веру. Русских также можно встретить в туристической русской деревне на острове Солнца под Харбином. Современная жизнь русской общины Харбина освещается в журнале

---

¹⁰Там же.

¹¹Курто О. И. Русский мир в Китае. Книга доступна онлайн на сайте: https://openlibrary.org/works/OL17059902W/Russian_World_In_China

«Партнеры. Берега дружбы». В городе часто проводятся выставки русских художников и книг, посвященных русским в Китае.

В целом, русское сообщество в Харбине неоднородно. По определению О. И. Курто, это «динамичная и подвижная формация, которая с течением времени начинает охватывать совершенно иные группы людей, нежели это было изначально»¹².

В каждом из крупных городов Китая в настоящее время функционируют так называемые Русские клубы, которые объединяют всех желающих пообщаться на русском языке со своими соотечественниками. Эти клубы действуют как «вживую», так и на просторах интернета, и также являются одним из самых эффективных способов коммуникации представителей русских общин в Китае.

Этнические русские с китайским гражданством – представители национального меньшинства элосыцзу – проживают в настоящее время в так называемом районе «Трехречья» в Маньчжурии. Наиболее многочисленными населенными пунктами, населенными элосыцзу, являются села Шивэй и Эньхэ.

Шивэй – Русская национальная волость – была создана в 2001 году. Здесь в основном проживают потомки от смешанных браков русских и китайцев. Центром волости является село Шивэй, неофициальным символом которого считается скульптурная композиция, изображающего мужчину русской внешности, который едет на повозке, запряженной лошадьми. В селе сохранилось несколько бревенчатых построек, однако большинство местных жителей предпочитают жить в саманах – домах-мазанках. Жители села верующие, православные. Рядом с селом у них есть небольшое помещение, которое считается местом моления – вроде часовенки. Также им разрешено праздновать Пасху и соблюдать пост. Жители села также частично сохранили

---

¹²Там же.

традиционную русскую кухню. Они едят жареный и отварной картофель, соленья, яйца, свинину, приготовленную по русским рецептам и выпечку.

В данном районе действует Исследовательское общество по изучению русского национального меньшинства. По данным Общества, на 2009 г. численность представителей русского нацменьшинства составляла около 7000 человек, из которых 2500 были крещеными.

В настоящее время местная администрация прилагает усилия для развития туризма в данном регионе. Оно стремится использовать самобытность и национальный колорит русской деревни как своеобразный «бренд», который может привлечь туристов и инвесторов в данный регион¹³. В процессе данной работы выяснилось, что третье и четвертое поколение от смешанных браков китайцев и русских уже плохо знает русские традиции и практически не говорит на русском языке. Практически все жители данного района подверглись сильной китайской ассимиляции и утратили свою национальную специфику. Вследствие этого, местные власти стали целенаправленно проводить работу по возрождению русских традиций и русской культуры. При этом О. И. Курто отмечает, что китайские власти стремятся не столько воссоздать исконно русскую культуру, сколько создать видимость таковой для китайских туристов. По мнению О. И. Курто, принадлежность к русской национальности в данном районе превратилась в товар, который продается на рынке туристических услуг и не может считаться настоящей русской культурой.

Представители элосыцзу проживают также в городах Хайлар, Лабдарин, Хух-Хото. Несмотря на то, что в Лабдарине в 2009 г. был открыт православный храм, исследователи говорят о практически полной утере русской культурной составляющей в данном регионе, поскольку дети от смешанных браков русских и китайцев уже не знают русского языка и не помнят русских традиций.

---

¹³Там же.

Таким образом, главной особенностью русской диаспоры в Китае является ее неоднородность. По мнению О. И. Курто, в настоящее время в Китае нет единой, сплоченной общим языком и культурой русской диаспоры, и существует некоторое количество русских сообществ, разбросанных по территории страны.

Заключение.

В рамках проведенного исследования мы проанализировали социальный аспект появления, становления и развития русской диаспоры в Харбине начиная с конца XIX века и до времени исхода русских из Китая после Второй мировой войны. Нами были выполнены следующие задачи:

1. Мы описали процесс формирования этно-культурного состава населения северо-восточной части Китая.

2. Мы описали современный этнический состав Северо-восточных районов Китая.
3. Мы рассмотрели исторические, политические и социальные предпосылки для возникновения русской эмиграции на Северо-востоке Китая.
4. Мы выявили и описали особенности социальной адаптации русских в Харбине (культурные, религиозные, языковые, бытовые).

На основе проведенного исследования мы можем сделать следующие выводы:

- 1) История формирования национального состава современной Маньчжурии уходит корнями в глубокую древность и тесно связана с географическим положением данного региона и с его историей. На

протяжении долгих веков, до начала правления маньчжурской династии Цин, на территориях Северо-восточного Китая сосуществовали многочисленные племена тунгусского, монгольского и ханьского происхождения. Эти территории делились на множество отдельных владений, которые на разных этапах исторического процесса консолидировались под властью какого-нибудь сильного правителя, а потом вновь распадались на множество племен. В разное время в результате объединения племен возникали сильные государства: мохэское государство Бохай, киданьская империя Ляо, чжурджэньское государство Цзинь. Позже территории Маньчжурии вошли в состав Китая и были под властью монгольской династии Юань, затем маньчжурской династии Цин, затем под японской оккупацией, а затем в 1949 г. стали частью КНР. Современная Маньчжурия представляет собой три провинции: Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин, в которых проживают ханьцы и все национальные меньшинства Китая.

- 2) Основными национальностями, проживающими в настоящее время на территориях Северо-восточного Китая, являются ханьцы (китайцы), маньчжуры, корейцы, дагуры, монголы, сибо, хуэй, дунгане, русские (элосыцзу). При этом более 90% населения приходится на ханьцев (собственно китайцев), в то время как общая доля национальных меньшинств постоянно сокращается. В то же время в абсолютном выражении количество представителей национальных меньшинств (кроме русских) показывает устойчивый рост, начиная с 1953 г. Снижение доли национальных меньшинств связано как с быстрым ростом населения провинции, так и с малочисленностью самих национальных групп, что определяет скорость их воспроизводства.
- 3) Предпосылки для возникновения мощной российской диаспоры на Северо-востоке Китая в конце XIX – начале XX вв. заключались в том, что правительство России надеялось проводить мирное завоевание Маньчжурии и всеми силами старалось распространить свою экономическую и политическую экспансию на этот район. Как

следствие этих устремлений, 22 мая 1896 года в Москве между Россией и Китаем был подписан секретный договор об оборонительном союзе против Японии и о постройке Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), которая, во-первых, должна была соединить центральные части России с Дальневосточными военно-морскими базами, а, во-вторых, способствовать заселению маньчжурских территорий русскими.

- 4) В процессе строительства КВЖД в Маньчжурии возникли новые города: Дальний, Маньчжурия и Харбин. Административным центром дороги стал город Харбин, который обязан своим возникновением и развитием русским строителям дороги – этот современный китайский город с населением 10 млн. человек был спроектирован и заложен русскими строителями. Датой основания Харбина считается 23 апреля 1889 года. В 1899 году в Харбине насчитывалось до 14000 русских, а в 1912 году русские эмигранты составляли уже около 40000 человек (60% населения Харбина). В числе выходцев из России были представители разных ее национальностей: русские, поляки, евреи, армяне, грузины и другие. К началу Первой мировой войны русское население Харбина составляло 43500 человек (64,5% от общего населения)
- 5) Волны российской эмиграции в Маньчжурию, и, в частности, в Харбин, следует разделять на два больших этапа, которые принципиально отличались друг от друга. Первая волна русской эмиграции связана со строительством КВЖД – она являлась добровольной, хорошо спланированной, продуманной и финансируемой. Русские, приехавшие в Китай с первой волной эмиграции, приехали сюда по собственной воле в поисках новых возможностей и работы, а потому их социальная адаптация также носила добровольный характер и проходила достаточно безболезненно. Вторая же волна эмиграции – беженцы, покинувшие Россию после Октябрьской революции и Гражданской войны, представлял собой совершенно другую картину. Эмиграция второй волны была вынужденной и носила характер бегства.

Соответственно, и социальная адаптация эмигрантов второй волны проходила совершенно по другому сценарию.

- 6) Особенностью русской колонии, возникшей в Харбине на рубеже веков, было то, что она возникла на новых землях, где представители всех национальностей были новичками. Вследствие этого население Харбина было чрезвычайно толерантным к разным нациям и религиям, а потому между харбинцами не было ярко выраженной конфронтации по национальному признаку.
- 7) Русская колония в Харбине носила компактный, замкнутый характер, она была практически недоступна для представителей других национальностей. На территории Китая, в рамках своей колонии, русские эмигранты, пользовавшиеся правом экстерриториальности, воссоздали все элементы своего мира на Родине: здесь был свой суд, свое правление, своя система образования, своя культурная жизнь, церкви, свои больницы, свои магазины, рестораны, фирмы и гостиницы. Практически русская колония не зависела от китайцев и китайского правительства, и являлась как бы государством в государстве.
- 8) Вследствие своей замкнутости, представители первой волны русской эмиграции в Харбине стремились сохранять свою национальную культуру и самобытность и практически не ассимилировались с китайским населением.
- 9) Вторая волна русской эмиграции после 1917 года также попала в свою национальную среду. Представители первой волны эмиграции, уже адаптировавшиеся в Китае (в Харбине), оказывали им всестороннюю помощь в трудоустройстве и адаптации. Несмотря на все сложности, многие эмигранты второй волны сумели благополучно адаптироваться в Китае в рамках уже существующей русской колонии.

В дальнейшем данное исследование может быть продолжено более детальным изучением различий между китайской и русской культурами, которые влияют на характер социального взаимодействия между

представителями этих национальностей. Также можно рассмотреть особенности социальной адаптации русских в Китае на микро уровне.

Список использованной литературы и источников:

1. Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2004.
2. Аурилене Е. Е. Российская диаспора в Китае. 1920-1950-е гг. Хабаровск, 2008.
3. Аурилене Е. Е. Русская эмиграция в Китае: в поисках будущей России. Вестник Евразии. №4/2002.
4. Аурилене Е. Е. Русские в Маньчжурии: политико-правовой аспект (1932-1945 гг.) // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. Хабаровск, 1998. С. 104-107.
5. Бакулина А. А. Факторы развития и упадка русской эмиграции в Маньчжурии (к. XIX-сер. XX в.) // Российская диаспора в странах Востока: история и современность. М., 2013.
6. Ван Кэвэнь. Изучение становления и развития русскоязычной прессы и издательской деятельности в Харбине. Вестник Забайкальского Государственного Университета. №10/2011.
7. Вань Цань. Национальности Китая. Межконтинентальное издательство Китая, 2004.
8. Ван Шицай. Обмены и слияние культур Северо-Восточного Китая и России. Тезисы докладов XVIII Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 21–23 октября 2009 г.). М., 2009.
9. Владимирова Д. А. Проблемы этнокультурного взаимодействия и взаимовосприятия китайцев и русских на российском Дальнем Востоке и Северо-Востоке Китая: Вторая половина XIX – начало XXI века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 2005.
10. Говердовская Л. Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917-1931 гг. М., 2004.
11. Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009.

12. Гончарова Н. В. Культура российской эмиграции в Харбине. Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии. СПб, 2002.
13. Гордеева С. В. К вопросу о языковой компетенции русских и их потомков в китаеязычной среде (на материале речи потомков русских переселенцев в приграничный Китай). Вестник Томского Государственного Университета. №363/2012.
14. Горобец Л. А. Взаимодействие культур России и Китая: проблема культурной совместимости. Вестник Челябинского Государственного Университета. №18(272)/2012.
15. Государство Бохай (698-926 гг.) и племена Дальнего Востока России. М., 1994.
16. Гутин И. Ю. История формирования и социокультурного развития русской диаспоры в КНР. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 2011.
17. Иванова Л. С., Морозова В. С. Этно-культурный ландшафт северо-восточного региона КНР как феномен региональной культуры. Международный журнал экспериментального образования. №8/2011.
18. История Северо-Восточного Китая XVII-XX вв. Владивосток, 1987.
19. Капран И. К. Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX века- 50-е гг. XX века). Вестник ДВО РАН, 2008/№2.
20. Кобызов Р. А. Этнорелигиозное взаимодействие русских и китайцев: на материалах социологических исследований приграничных районов Дальнего Востока. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Благовещенск, 2005.
21. Косинова О. А. Российское зарубежье в Китае: опыт этнокультурного взаимодействия в сфере образования (1898-1945). Знание, понимание, умение. №1/2009.
22. Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л. История киданьской империи Ляо (907-1125). М., 2014.
23. Кротова М. В. Русские эмигранты в межвоенной Маньчжурии: манипуляции с гражданством как стратегия выживания. Новый исторический вестник, №32/2012.

24. Кудинова Е. Ю. Россияне в Китае, или опыт постановки проблем. Известия Восточного института. №4/1999.
25. Лазарева С. И. Роль Харбинского комитета помощи русским беженцам в становлении социальной защиты русских эмигрантов в Маньчжурии (1923- начало 40-х гг. XX в.). Известия Восточного Института, №1(21)/2013.
26. Лапин П. А. «Русская рота в Пекине»: история албазинской диаспоры в Китае (XVII-XX вв) // Российская диаспора в странах Востока: история и современность. М., 2013.
27. Мелихов Г. В. Белый Харбин: середина 20-х. М., 2003.
28. Мелихов Г. В. Российская диаспора и западная цивилизация в Китае // Тезисы 4 Международной научно-практической конференции «Китай, китайская цивилизация и мир». М., 1993.
29. Морозова В. С. Феномен региональной культуры северо-востока КНР в контексте взаимодействия с приграничными территориями РФ / Общество и государство в Китае: XLI научная конференция / Ин-т востоковедения РАН. - М., 2011.
30. Мяо Хуэй. Русская эмиграция в Харбине: взаимодействие двух культур. Журнал «Гуманитарный вектор. Серия: философия, культурология». №2(42)/2005.
31. На сопках Маньчжурии. Русские в Северном Китае. Статья доступна на сайте: <http://ricolor.org/rz/kitai/rossia/4/>
32. Оглезнева Е. А. Русский Харбин как многонациональный и многоязычный центр в XX в.: качественная и оценочная характеристика языковой ситуации. Вестник Бурятского Государственного Университета. №12/2012.
33. Писаревская Я. Л. Две России в Маньчжурии: социальная адаптация и реэмиграция (20-е –начало 30-х гг.). Новый исторический вестник. №2/2000.
34. Потапова И. В. Национальные праздники как способ национального единения в «русском» Китае. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. №1/2015.
35. Ревякина Т. В. Проблемы адаптации и сохранения национальной идентичности российской эмиграции в Китае (начало 1920 – середина

- 1940 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2005.
36. Россия и Китай: Четыре века взаимодействия. Под ред. А. В. Лукина. М., 2013.
37. Рубанов Е. А. Белая эмиграция в Китае в межвоенный период: русские наемники на иноземной службе в Маньчжурии. Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на дальнем Востоке. №4(20)/2012.
38. Рябова М. С. Проблема сохранения идентичности русского национального меньшинства в Китае. Вестник Томского Государственного Университета. №393/2015.
39. Ставров И. В. Реализация национальной политики КПК в Северо-Восточных провинциях КНР. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 2003.
40. Тихомирова Ю. К. С. Ю. Витте и внешняя политика Российской империи к. XIX – нач. XX вв. Статья доступна на сайте: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2011/1370-s-yu-vitte-i-vneshnyaya-politika-rossijskoj-imperii-k-xix-nach-xx-vv>
41. У Яньцю. Российские диаспоры в Китае в первой половине XX века: национальный состав, проблемы адаптации и тенденции развития. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 2014.
42. Чапыгин И. В. Казачья эмиграция в русской диаспоре Северо-Восточного Китая. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2006.
43. Черкашина С. А. Культурная деятельность русской эмиграции в Китае: 1917-1945 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологи. СПб, 2002.
44. Чжан Линьбэй. Исторические трансформации и современное состояние религиозных традиций маньчжуров Северо-восточного Китая. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Благовещенск, 2011.

45. Чуприна М. В. Роль русских белоэмигрантов в социально-экономическом развитии Маньчжурии в 1920-1930-х гг. Журнал «Власть». №7/2012.
46. Чуприна М. В. Социально-экономические особенности эмиграции гражданских лиц из России в Китай (1917-1945 гг). Журнал «Власть». №8/2012.
47. Шэн Хайбо, Люй Минвэй. Влияние русской культуры на северо-восток КНР. Дальневосточный аграрный вестник. №3(31), 2014.

На китайском языке:

48. Quyu wenhua yu Zhonghua wenhua / Региональная культура и традиционная китайская культура. Пекин, 2010.
49. Wang Shicai. Zhonguo dongbei wenhua yu Eluosi wenhuade jiaoliu yu ronghe / Ван Шицай. Взаимодействие и слияние культуры России и культуры Северо-Востока КНР. Харбин, 2006.
50. Zhang Ning. Wenhua de zhengbing: Zhongguo dandai jingyan yanjiu / Чжан Нин. Вопросы столкновения культур: анализ современного опыта Китая. Шанхай, 2004.